

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЬ

Святѣйшій Тихонъ
Патріархъ Московскій и всея Россіи.

Апрѣль.

(30 дней).

16-29 Субб. Св. муч. Агапіи. Хіоніи и Ирины. Леонида, Галины и Василисы; празд. ик. Б. М. Ильинской (черниговской и тамбовской).

Конч. фельдм. кн. М. И. Голенищева-Кутузова
Смоленскаго 1813 г.

Жизнь дана на добрыя дѣла.

17-30 Воскр. Недѣля 3-я по Пасхѣ. Жень Мироносицъ. Ев. Мрк. XV, 43—XVI, 8. Преп. Симеона, Акакія, Зосимы Соловец., обр., мощей преп. Александра Свирск.;

Начало книгопечат. въ Москвѣ 1563 г.

Рожд. Императора Александра II 1818 г.

Отмѣна тѣлесн. наказаній 1863 г.

Высочайшій указъ Императора Николая Александровича о вѣротерпимости и распечатаніе старообрядческихъ алтарей 1905 г.

Карать да миловать — Богу и Царю.

18-1 Понед. Преп. Іоанна, Космы, еп. Халкидон., Авксентія, муч. Виктора и Іоанна новаго.

Открытіе въ СПетербург. новыхъ судовъ 1866 г.

Невинная душа не страшна къ смерти.

19-2 Вторн. Преп. Іоанна ветхопещерн.; преп. Симеона босаго; Георгія испов.; Трифона, патр. Констант.; муч. Христофора и Антонина, преп. Никифора.

Кого Богъ накажетъ, тотъ самъ помретъ, а другого, любя, приберетъ.

Ум. астрон. Брюссъ 1735 г.

— Пис.-истор.-слав. М. Т. Каченовскій 1842 г.

— Худож. И. К. Айвазовскій 1900 г.

20-3 Среда. Преп. Феодора, св. млад. муч. Гавріила; Блаж. св. Григорія и Анастасія, патр. Антиохійскихъ, преп. Александра Ошеневскаго; празд. ик. Б. М. Княжской, Кипрской.

Вступленіе на престоль Вел. Кн. Владиміра Мономаха 1113 г.

Не разжевавъ вкусу не узнаешь.

21-4 Четв. Св. муч. Іаннуарія и дружины его; св. свящ. муч. Феодора, иже въ Персіи; св. Максимиліана, патр. Цареград.

Откр. въ Дерптѣ (Юрьевъ) Университетъ 1802 г.

Присоед. Варшавскаго Герцогства подъ именемъ

Царства Польскаго 1815 г.

Не всякъ спитъ, кто храпитъ.

22-5 Пятн. Преп. Феодора, Виталія; ап. Нафанаила, Луки, Климента; перенес. мощ. св. благов. кн. Всеволода, во св. крещеніи Гавріила.

Вятіе Свеаборга 1808 г.

Рожд. фил. Ф. Е. Корша 1843 г.

Не пожинай плѣшиваго передъ лысымъ гостемъ.

15 (28) АПРѢЛЯ 1922 г.
ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ВЫПУСКЪ

СОДЕРЖАНІЕ:

Святѣйшій Тихонъ Патріархъ	
Московскій и всея Россіи	А. Роговичъ.
Наши завѣты	А. Гершельманъ.
Лицемѣрамъ	Н. Тальбергъ.
„Предтеча“	Кн. Федоръ Касаткинъ-Ростовскій.
Царскія знамена	К. Николи-Полити.
Второе марта 1917 г. въ	
Государственной Думѣ	М. Горемыкинъ.
Современное масонство	Великороссъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЪ“, BERLIN W. 62,
Kurfürstenstr. 114, Gartenhaus.

Святѣйшій Тихонъ Патріархъ Московскій и всея Россіи.

„Отъ Господа пути мужу исправляются“. Эти вѣщія слова псалмопѣвца невольно вспоминаются, когда останавливаешься мыслью на необыкновенномъ призваніи, выпавшемъ на долю возглавляющаго въ наши дни Россійскую Православную Церковь Святѣйшаго Тихона, Патріарха Московскаго.

Во время неслыханно лютаго гоненія, воздвигнутаго противъ Церкви Христовой, среди развалинъ, покрывающихъ Россію и среди дикаго сатанинскаго разгула безбожной шайки злодѣевъ, правящихъ страною, незбылемо уцѣлѣла отъ прежняго времени только Святая Православная Церковь; она сохранила свое священноначаліе и объединяетъ молитвою и подвигомъ милліоны вѣрующихъ русскихъ людей. Возглавлять Церковь въ такое время есть ежечасное мученичество, но, подкрѣпляемый Богомъ, Святѣйшій Патріархъ, на обрызганной кровью свѣщницъ Россійской Церкви, горитъ какъ яркій свѣтильникъ и не могутъ потушить его бушующіе ураганы.

На Московскій Патріаршій Престолъ Святѣйшій Тихонъ вступилъ, имѣя всего 52 года отъ роду, но уже около 20 лѣтъ до этого онъ проходилъ Епископское служеніе, первоначально въ санѣ Епископа Люблинскаго, викарія Варшавской Епархіи. Этою Епархіею управлялъ тогда одинъ изъ выдающихся іерарховъ своего времени, Высокопреосвященный Флавіанъ (скончавшійся въ 1916 году въ санѣ митрополита Кіевскаго и Галицкаго). Родомъ изъ дворянъ Городецкихъ, будущій митрополитъ, еще студентомъ Московскаго Университета, рано промѣнялъ блескъ и утѣхи міра на монашескую келію и на послушаніе хлѣбопека въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ. Затѣмъ мы видимъ его въ Китаѣ. Послѣ семнадцатилѣтняго миссіонерскаго служенія въ Пекинѣ, Пр. Флавіанъ правилъ послѣдовательно епархіями Варшавскою, Тифлисскою, Харьковскою и Кіевскою и вездѣ оставалась по немъ свѣтлая память величественнаго, уставнаго служенія, строгой доброты и привѣтливой монашеской „мѣрности“ въ отношеніяхъ ко всѣмъ. Архіепископъ Флавіанъ былъ учителемъ и другомъ своего молодого викарія, Епископа Тихона, котораго пришлось ему вскорѣ отпустить на

самостоятельную Сѣверо-Американскую Епископскую Каѳедру въ санѣ Епископа Алеутскаго. Восемь лѣтъ, проведенныхъ Пр. Тихономъ въ Америкѣ, ознаменовались значительными трудами для благоустройства этой еще сравнительно молодой Епархіи и между прочимъ она обязана ему сдѣланнымъ подѣ его редакціею переводомъ на англійскій языкъ „Православнаго Служебника“ (Service Book).

Въ 1907 году Пр. Тихонъ съ каѳедры Американской былъ перемѣщенъ на каѳедру Ярославскую и по этому поводу вспоминается мнѣ не совсѣмъ обыкновенный случай. Это было въ Петербургѣ. Послѣ длительного вечерняго засѣданія въ Александро - Невской Лаврѣ, спускаемся мы вдвоемъ съ Митрополитомъ Флавіаномъ по лѣстницѣ митрополичьихъ покоевъ и я заговорилъ съ нимъ по поводу перемѣщенія Пр. Тихона въ Ярославль. „Скажите мнѣ что-нибудь, Владыко, про новаго Ярославскаго Архіепископа? Вы его, кажется, близко знаете, а меня интересуетъ все, что относится къ Ярославлю“. Митрополитъ остановился, изъ-подъ бѣлаго клобука, сквозь очки, на меня уставился его пристальный взоръ и онъ какъ то особенно значительно, съ разстановкою произнесъ: „вы спрашиваете меня про Пр. Тихона? Такъ вотъ попомните мои слова: если когда-нибудь будутъ выбирать въ Россіи Патріарха, то лучшаго чѣмъ онъ никого не выберутъ“. Я всегда глубоко чтить свѣтлый умъ и высокій духовный уровень милаго Кіевскаго Владыки, но могъ ли я тогда думать, что слышу изъ устъ его поистинѣ „пророчество“? Чаянія о соборности и о возстановленіи Патріархата въ Россіи уже тогда носились въ воздухѣ; по Высочайшему почину и при неустанномъ личномъ вниманіи Государя Императора къ этимъ вопросамъ, уже тогда усиленно работало при Св. Синодѣ Предсоборное Присутствіе, но перебирая въ умѣ вѣроятныхъ кандидатовъ на Патріаршій Престолъ — самого Митрополита Флавіана, Архіепископа Одесскаго Димитрія (Самбикина), — кто же могъ предвидѣть такого кандидата въ лицѣ плывшаго въ тѣ дни по Атлантическому океану въ Россію одного изъ сравнительно молодыхъ и дотолѣ мало извѣстныхъ русскихъ Архіереевъ?

Около шести лѣтъ пробылъ Архіепископъ Тихонъ въ Ярославской Епархіи, съ которою онъ быстро, сроднился и гдѣ его искренно полюбили. Чудные Ярославскіе и Ростовскіе монастыри и храмы, сіявшіе неподдѣльною церковною стариною и глубоко церковное настроеніе населенія находили живой откликъ въ его русской душѣ и онъ съ грустью покинулъ берега Волги, когда ему вскорѣ пришлось перейти на Виленскую каѳедру.

Въ Вильно Архіепископъ Тихонъ пробылъ около 2 лѣтъ, пока взятіе Вильно въ 1915 году не заставило его покинуть Епархію; за три дня до вступленія нѣмецкихъ вооруженныхъ

«илъ въ Вильно, Архіепископъ Тихонъ выбылъ въ Москву, увозя изъ Виленскаго Святодуховскаго монастыря Св. Мощи Виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія, временно положенныхъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

Во время своего двухлѣтняго пребыванія въ Москвѣ, въ санѣ Архіепископа Виленскаго, Пр. Тихонъ быстро стяжалъ почетную извѣстность среди клириковъ и мірянъ первопрестольной столицы и когда въ мартѣ 1917 года, въ сязи съ разыгравшимся въ Россіи пагубнымъ революціоннымъ переворотомъ, престарѣлый Митрополитъ Московской Макарій ушелъ на вынужденный покой въ подмосковный Николо-Угрѣшскій монастырь, Пр. Тихонъ былъ избранъ на кафедру Московской Митрополіи. Но недолго суждено было ему пробить на этой кафедрѣ и уже въ ноябрѣ 1917 года, по избранію Всероссійскаго Помѣстнаго Церковнаго Собора, Митрополитъ Тихонъ былъ возведенъ на Всероссійскій Патріаршій Престолъ и съ этимъ избраніемъ связано трогательное народное толкованіе.

Голосованіемъ Собора были намѣчены три лица: первымъ шелъ Митрополитъ Кіевскій Антоній (Храповицкій), докторъ Богословія, бывшій Ректоръ двухъ духовныхъ академій — Московской и Казанской — знаменитый церковный витія и писатель, имѣющій широкое благотворное вліяніе далеко за предѣлами чисто церковнаго вѣдѣнія; вторымъ шелъ Митрополитъ Новгородскій Арсеній, тоже докторъ Богословія, бывшій Ректоръ Московской Духовной Академіи, извѣстный своею строгою прямою; третьимъ шелъ Московскій Митрополитъ Тихонъ. Почтивъ этимъ избраніемъ высокія достоинства всѣхъ трехъ намѣченныхъ лицъ, Соборъ сознавалъ однако, что не подобаетъ избирать Патріарха просто по большинству голосовъ, какъ выбираютъ какого нибудь президента республики или городского голову: было рѣшено положить дѣло на волю Божию. Три жребія были положены на Святой Престолъ во храмѣ Христа Спасителя и, послѣ торжественнаго Богослуженія, вынуть жребій было предоставлено нарочито для сего прибывшему старцу — затворнику Зосимовой Пустыни, Іеромонаху Алексію. Жребій палъ на Митрополита Тихона и Москву облетѣло неизвѣстно откуда пошедшее крылатое слово: Соборъ намѣтилъ трехъ мужей, — умнѣйшаго, сильнѣйшаго и добрѣйшаго, и Господь указалъ быть — „добрѣйшему“.

Онъ не перешелъ на жительство въ Кремль, которымъ уже съ октября 1917 года владѣла сатанинская шайка и остался жить на Троицкомъ подворьи.

19 января 1918 года Патріархъ, возглавляя духовенство всѣхъ Московскихъ монастырей и приходскихъ церквей, совершилъ крестный ходъ на Красную площадь и служилъ молебень передъ Кремлевскими Никольскими воротами, на которыхъ чудодѣйственно обновился стѣнописный образъ

Святителя Николая, пострадавший и временно померкший во время октябрьского разгрома Москвы и Кремля. Стечение народа было громадное. Въ полуразрушенномъ Кремлѣ службы въ храмахъ еще совершались, но постепенно наступали все большія стѣсненія и доступъ богомольцевъ былъ вскорѣ совершенно прекращенъ, Замолкъ „Иванъ Великій“ и Патріархъ основалъ свою кафедру въ Московскомъ Храмѣ Христа Спасителя, гдѣ, при громадномъ наплывѣ молящихся, торжественно священнодѣйствовалъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, совершая тоже Богослуженія во многихъ Московскихъ приходскихъ храмахъ, въ дни Престольныхъ праздниковъ. Благочестивые Москвичи сразу сроднились со своимъ Патріархомъ, почувствовавъ въ немъ „пастыря доброго“, готового „положить душу свою за овцы своя“ (Ев. отъ Іоанна Гл. 10 ст. 11).

Когда открылось явное гоненіе на Церковь и ея служителей, и въ Москвѣ упорно держались слухи о намѣреніи арестовать Патріарха, изъ выбранныхъ отъ приходовъ была образована добровольная охрана; каждый вечеръ приходили на Троицкое подворье двадцать человѣкъ, чтобы проводить тамъ ночь, охраняя Патріарха.

Одинъ изъ участвующихъ передавалъ мнѣ, какъ трогательно ласково относился къ нимъ Патріархъ: онъ приходилъ съ ними бесѣдовать, называя ихъ, шутя, „моя гвардія“ и чувствовалось имъ, что не они его, а онъ охраняетъ ихъ душевную бодрость.

Я имѣлъ счастье видѣть Патріарха у него на Троицкомъ подворьѣ въ октябрѣ 1918 года. Кто то изъ присутствовавшихъ сказалъ тревожно: „Владыко, въ городѣ говорятъ о возможности вашего ареста?“ „Ну и чтоже, пусть приходятъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ“, отвѣтилъ Патріархъ и благодушно разсмѣялся и чувствовалось, что это не фраза, не показное хладнокровіе а спокойная настроенность души, безраздѣльно преданной волѣ Божіей.

Настроеніе благоговѣйнаго преклоненія передъ личностью Патріарха все нарастаетъ: когда онъ въ 1919 году посѣтилъ Петроградъ осталось незабываемое впечатлѣніе отъ духовнаго подъема, съ которымъ его встрѣчали.

Потрясающимъ покаяннымъ призывомъ прозвучали вдохновенныя слова всенароднаго Посланія, оглашеннаго святѣйшимъ Патріархомъ по случаю постигшихъ Россію ужасовъ голода и мора. *)

„Къ тебѣ, Православная Русь, первое слово мое“... „Омойся покаянными обѣтами и Святыми Тайнами обновись, вѣрующая Русь, исходя на святой подвигъ и его совершая... Воскреси въ нынѣшнемъ подвигѣ твоёмъ“

*) Смотр. выпускъ пятнадцатый „Двуглаваго Орла“.

свѣтлыя незабвенныя дѣянiя благочестивыхъ предковъ твоихъ и угодниковъ, возсіявшихъ въ тебѣ, когда въ години тягчайшихъ бѣдъ собирали русскую духовную мощь беззавѣтная вѣра и самоотверженная любовь во имя Христа, и духовною мощью этой, какъ живую водой, оживотворялась умиравшая русская душа и земля. . .

Къ тебѣ, человекъ, къ вамъ, народы Вселенной, простираю голосъ свой: помогите! Помогите странѣ, помогавшей всегда другимъ. Помогите странѣ, кормившей многихъ и нынѣ умирающей отъ голода. Спасайте отъ ужасной смерти народъ, являвшій міру величайшіе подвиги правды, самоотверженія и безкорыстія. .

На помощь немедля! На щедрую, широкую помощь! . . Къ Тебѣ, Господи, простираетъ истерзанная наша земля вопль свой: пощади и прости!“

Впечатлѣніе отъ этого душевнаго величія сказывается и во вражескомъ станѣ. Передаютъ разсказъ, относящійся уже къ послѣднему времени. На Патріаршемъ подворьѣ полученъ дерзкій вызовъ: Патріарху явиться лично въ такомъ-то часу въ Чрезвычайную Комиссію для допроса. Окружающіе умоляютъ Патріарха не идти, но онъ, спокойный и невозмутимый, идетъ и, по мѣрѣ его слѣдованія собирается толпа, которая запружаетъ всю Лубянскую площадь. И тутъ произошло нѣчто неожиданное для самихъ безбожниковъ, собиравшихся надъ нимъ издѣваться: при входѣ Патріарха, всѣ почтительно встали, принесли ему кресло и просили извиненія въ томъ, что напрасно его беспокоили.

Одному Богу, извѣстно, долго ли еще суждено Россіи переживать ужасы братоубійственной войны, голода и сатанинскаго засилья, но среди всей этой разрухи, какъ въ темную ночь надъ бушующимъ моремъ сіяетъ свѣтъ путеводнаго маяка, такъ личность Патріарха Тихона озаряетъ Россію и, по выраженію Епископа Нестора, Камчатскаго, въ его книгѣ „Разстрѣлъ Московскаго Кремля“ (изд. 2-е стр. 8), Патріархъ дѣйствительно явился и является единственнымъ печальникомъ, защитникомъ и отцомъ вѣрующаго народа, въ кровавый періодъ владычества большевиковъ.

Хочется вѣрить, что Господь, дающій Патріарху Тихону дерзновение приснопамятнаго Святителя Гермогена, пошлетъ ему и утѣшеніе, дарованное нѣкогда другому его знаменитому предшественнику, Патріарху Московскому Филарету Никитичу Романову, увидѣть Россію возрожденною подъ сѣнью святой православной хоругви, нераздѣльной съ величіемъ наслѣдственнаго Царскаго стяга.

А. Роговичъ.

Наши завѣты.

„Дружно гребите во имя Прекраснаго
противъ теченія“. . . (гр. Ал. Толстой).

„Грядущій хамъ“, правда не совсѣмъ схожій съ тѣмъ, каковымъ себѣ его представлялъ Мережковский, пересталъ быть грядущимъ, — онъ уже пришелъ. Дружными усиліями босяковъ горьковского типа, социалистовъ и нашей околпаченной интеллигенціи „торжествующій хамъ“, во исполненіе іудо-масонскаго плана, водрузилъ свое кровавое знамя на одной шестой части земнаго шара.

Пользуясь этимъ, ставленники жидовскаго кагала ведутъ планомѣрное и послѣдовательное вытравливаніе изъ народной души всего благороднаго и возвышающаго, всѣхъ тѣхъ качествъ, опираясь на которыхъ лучшіе люди двигаютъ чело-вѣчество по пути нравственнаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти Бронштейны, Нахамкесы и Апфельбаумы стараются черезъ школы привить дѣтямъ развратъ и узаконить всѣ уродливѣйшія явленія чело-вѣческой жизни. Пошлость и паденіе нравовъ, взрощенные революціей во всѣхъ областяхъ народной жизни, являются самыми ужасными и наиболѣе непоправимыми ея „завоеваніями“.

Въ первые же дни революціи Царь Николай Александровичъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „вокругъ измѣна, трусость и обманъ“. И этими тремя словами, легшими въ основу русской революціи, была полностью охвачена сущность начавшихся въ 1917 году и нынѣ еще продолжающихся событій.

Чистый и чуткій къ судьбѣ Россіи Государь, безъ труда, съ первыхъ же ея шаговъ, опредѣлилъ въ какихъ началахъ будетъ воспитываться Его народъ революціей Родзянкохъ, Милюковыхъ и Керенскихъ.

И дѣйствительно русская революція не дала ни одного идеала, а наоборотъ даже, по свидѣтельству Леонида Андреева, она, уподобившись „карманному вору“, выкрала „святиню“ у своихъ же послѣдователей.

*

На фонѣ пошлости и себялюбивой мелочности, наложившихъ свою печать на переживаемое нами безвременіе, еще выпуклѣе выступаетъ благородство души Государя Императора, особенно ярко проявлявшееся въ труднѣйшія минуты Его царствованія и жизни.

Осень 1915 года, — тяжелое, переходное время, когда выяснилась необходимость перемѣны тактики дѣйствій неожиданно затянувшейся мировой войны. Недостатокъ техническихъ средствъ для веденія ея въ требуемомъ масштабѣ; потеря большинства кадровъ въ тяжелыхъ наступательныхъ бояхъ послѣднихъ мѣсяцевъ, вызванныхъ мольбою о по-

мощи итальянцевъ; союзники безнадежно топчущіеся у „дома паромщика“; яростное контръ-наступленіе германцевъ. Наша армія не выдержавшая напора нѣмцевъ и стремительно отступающая; образовавшійся прорывъ у Молодечно, невозможность его заткнуть, причемъ дальнѣйшее развитіе его угрожаетъ гибелью всему Западному фронту.

Въ это время, когда вся Россія, въ ужасѣ притаивъ дыханіе, слѣдила за грозно разворачивающимися событіями, Царь не колеблясь возлагаетъ на себя командованіе Арміей. На предостереженія Его ближайшихъ совѣтниковъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ представителей, указывающихъ на неосторожность этого шага въ обстановкѣ, когда неминуемая неудача могутъ набросить тѣнь на Царское Имя, Государь отвѣчаетъ словами, начертанными въ тогдашнемъ рескриптѣ на имя Великаго Князя Николая Николаевича: „Возложенное на Меня свыше бремя Царскаго служенія Родинѣ повелѣваетъ Мнѣ нынѣ, когда врагъ углубился въ предѣлы Имперіи, принять на Себя Верховное Командованіе дѣйствующими войсками и раздѣлить боевую страду Моей арміи и вмѣстѣ съ нею отстоять отъ покушенія врага Русскую Землю“.

Вскорѣ наша армія останавливается и молодеченскій прорывъ заканчивается полнымъ уничтоженіемъ нѣсколькихъ дивизій зарвавшейся непріятельской конницы.

Въ моментъ наибольшаго напряженія борьбы Государь Императоръ смѣло становится во главѣ Арміи. Онъ считаетъ возложеннымъ на Него Свыше долгомъ во время опасности еще дѣйственнѣе осуществить великій завѣтъ Россійскихъ Самодержцевъ, — завѣтъ единенія Царя съ Народомъ, раздѣливъ съ нимъ его полную лишеній боевую жизнь.

Мрачные дни февральскаго бунта. Жалкія, суетливыя и въ то же время наглыя фигуры самозванныхъ „выразителей воли народа“, прибывшихъ вмѣстѣ съ измѣнникомъ Рузскимъ предлагать Государю отреченіе какъ единственное средство избѣгнуть междоусобицы передъ лицомъ врага. И памятуя лишь о Россіи, не желая, чтобы хоть одна капля русской крови пролилась изъ за Него и хотя бы одинъ солдатъ былъ бы оторванъ отъ фронта Царь отказывается отъ Престола. Въ своемъ прощальномъ приказѣ, кстати сказать не обнародованномъ „торжествующими хамами“, Государь ни словомъ не обмолвливается о Себѣ. Онъ призываетъ Свою Армію къ преданности родинѣ, къ послушанію своимъ начальникамъ во имя блага и пользы Россіи: „Кто думаетъ о мирѣ, кто желаетъ его, тотъ измѣнникъ Отечества, его предатель“... читаемъ мы въ приказѣ, „исполняйте вашъ долгъ, защищайте доблестно нашу Великую Родину“ „слушайте вашихъ начальниковъ“...

Дни іюньскаго наступленія такъ удачно начавшагося, и такъ позорно закончившагося, показавшее всему міру во что за три съ половиной мѣсяца превратила революція доблестную армію. Первая вѣсти объ успѣхѣ на фронтѣ приходятъ въ Царское Село и Царь, вызываетъ священника и вмѣстѣ со всей Своей Семейю служитъ молебенъ о дарованіи побѣды Россіи и русскому народу, такъ тяжко Его оскорбившихъ.

Брестъ-Литовскій миръ. Изъ Своего заточенія Царь съ болью въ сердцѣ слѣдитъ за гибелью и позоромъ къ которымъ привели Его Россію, ея нынѣшніе правители. Не тягостныя лишенія, не грубое обращеніе приставленной къ Нему охраны, не страхъ передъ неизвѣстностью судьбы, ожидавшей Его и обожаемую Семейю угнетали духъ Царя Николая Александровича. Нѣтъ. По словамъ приближенныхъ Его мучило сознаніе, что прося объ отреченіи представители народа Его обманули, что въ то время не нашлось около Него никого, кто бы сказалъ Ему правду, Его мучили неисправимость совершившагося, ужасъ предстоящихъ Россіи испытаній.

Когда Царю стало извѣстно о существованіи плана, задуманнаго, будто бы, нѣмецкимъ правительствомъ, ставящимъ условіемъ Его освобожденія подписаніе Брестъ-Литовскаго договора, негодованію Государя не было предѣла.

„Это позоръ равносильный самоубійству“, говорилъ Государь, „лучше я дамъ Себѣ отрубить руку, нежели подпишу позоръ Россіи“.

И Государь Императоръ Николай Александровичъ, а за Нимъ и вся Его Семейя, сознательно и съ чистымъ сердцемъ пошелъ на смерть, предпочитая ее отступленію отъ раздѣла даннаго слова и измѣнѣ тому, что Онъ считалъ благомъ и честью Россіи.

*

А въ это время доблестные вожди революціи, обманомъ и измѣной навязавшіе ее Россіи, умѣло и быстро превращаютъ армію въ толпу дезертировъ, а обеспеченную побѣду — въ пораженіе, гнусной игрой на низменныхъ наклонностяхъ народа разрушаютъ разсадники культуры въ деревняхъ, уничтожаютъ промышленность и растаскиваютъ накопленные русскими Царями народныя богатства.

И, наконецъ, предоставивъ жидамъ равноправіе и отмѣнивъ букву „ѣ“ — единственные два памятника ихъ творческой дѣятельности — трусливо удираютъ, предавъ горсть защищавшихъ ихъ мальчиковъ-юнкеровъ и отдавъ на насиліе и позоръ озвѣрѣвшей черни ими же созданный женскій батальонъ.

Далѣе ихъ логическіе послѣдователи большевики разыграли слѣдующее позорное дѣйствіе русской революціи —

Брестъ-Литовскій миръ, гдѣ былъ заложенъ первый камень, нынѣ вѣнчающагося въ Генуѣ, зданія. Но какъ и тогда отступленіе отъ основныхъ правилъ чистоплотности въ международныхъ отношеніяхъ не предохранило Германію отъ разгрома, такъ и теперь можно безъ труда предугадать послѣдствія Генуи для ослѣпленной легкой наживой Европы.

Нынѣ революція входитъ въ старое русло. Снова вчерашніе столъ, казалось, непримиримые враги начинаютъ смыкать свои ряды. Опять, „какъ встарь“ Милюковъ, другъ Азефа, правда осторожно, за кулисами, но горячо и подобо-бостранно, въ ожиданіи подачи, пожимаетъ кровавые пальцы Ленина и призываетъ русскихъ бѣженцевъ примириться съ палачами. Вновь разгорается борьба Россіи, православной и національной, съ безбожными послѣдователями іудейскаго интернаціонала. И противники расходятся, чтобы подсчитать свои силы и построить боевой порядокъ. Въ одну сторону отходить весь цвѣтъ русской революціи, отъ Ленина до Милюкова, въ другую — обновленная въ страданіяхъ Царская рать.

„Торжествующій хамъ“ не дремлетъ, онъ медленно ползетъ далѣе, стараясь захватить въ свои цѣпкія лапы остатки христіанской культуры, пытаясь снести своимъ зловоннымъ потокомъ памятники созданные работой Духа.

Борьба предстоитъ трудная и тяжелая. Мало сорвать съ широко распутившагося революціоннаго дерева его плоды, само дерево надо вырвать и вырвать съ корнемъ. Надо бороться съ явленіями породившими революцію, въ противномъ случаѣ такая борьба будетъ лишь полумѣрой и какъ всякая полумѣра окажется недѣйствительной.

Недавно вышедшая и за короткій срокъ получившая широкую извѣстность книга И. А. Родіонова „Жертвы Вечернія“ даетъ яркіе образы борьбы Духа со Звѣремъ. Жертвы вечернія, — жертвы искупительныя, — гибель безумно смѣлыхъ дѣтей за преступленія отцовъ, пошлой игрой въ либерализмъ промотавшихъ свою родину. Но этими жертвами созданы тѣ традиции, которыми до сихъ поръ, крѣпка и спаяна Русская Армія, несмотря на злобные и подлые выпады милюковской своры. Гдѣ есть идеалы, тамъ есть завѣты, а съ ними неразрывны дружная работа въ одномъ направленіи, стремленіе къ одной цѣли.

И теперь ко времени общаго подсчета силъ наша задача не только въ томъ, чтобы выставить, но и въ томъ, чтобы сѣмъ высоко удержать попранный пять лѣтъ тому назадъ монархическій стягъ.

Великая цѣль, къ которой мы идемъ требуетъ избранія чистыхъ путей. Мы должны въ моментъ нравственнаго про-

вала революціи, выкравшей у себя же самой свои „святыни“, выдвинуть свои чистые завѣты.

Революціонной трусости противопоставить непоколебимую смѣлость и рѣшительность въ дѣйствіяхъ, ея обману — открытое исповѣдованіе своего монархическаго символа вѣры, ея измѣнѣ — вѣрность долгу и своему Государю. Наше молодое и вѣчно старое монархическое движеніе, воскрешая историческіе завѣты царской Россіи, должно черпать нравственныя силы въ примѣрѣ Царя Николая Александровича, Мученика за правду и вѣрность Своему Царственному долгу.

И совершая святое дѣло возрожденія законной и наслѣдственной Монархіи въ Россіи мы съ этими завѣтами должны вернуться домой, гдѣ Царя ждутъ, зная, что съ нимъ лишь наша несчастная родина вновь обрѣтетъ покой и законъ. И лишь во имя Царя русскіе люди столько лѣтъ сражавшіеся другъ съ другомъ, кто подъ бѣлымъ знаменемъ, кто подъ красной тряпкой, найдутъ общій языкъ и сомкнуть свои ряды подъ сѣнью все объединяющаго и все покрывающаго Царскаго Стяга.

А. Гершельманъ.

Лицемѣрамъ.

Двѣ мѣрки.

„А кто, товарищъ Мякотѣловъ, благословилъ полъ убійство и сдѣлалъ терроръ орудіемъ борьбы?“

„Да, конечно, это выдумали не большевики, но, вѣдь, мы убивали единицы для блага всего народа“

Чертъ захихикалъ и, покачивая свѣсившейся ногой, прервалъ бесѣдника:

„Если можно убить одного, двухъ, трехъ, то почему нельзя убить сотню, тысячу, миллионы? А развѣ ты не утверждалъ, что „всѣ средства хороши, если они ведутъ къ цѣли“? И развѣ не ты первый заявилъ, что „кто не съ вами, тотъ противъ васъ“? Вы то же валили въ общую кучу всѣхъ кто былъ вашимъ идейнымъ противникомъ.“

Эти нѣсколько строкъ взяты изъ талантливаго очерка либеральнаго писателя Е. Чирикова „Карамазовскій чертъ“, помѣщеннаго годъ тому назадъ въ газетѣ восхвалителя прежнихъ террористовъ Бурцева. Въ приведенной выдержкѣ описывается бесѣда чертенка съ „дѣдушкой русской революціи“, съ юныхъ лѣтъ просидѣвшимъ въ тюрьмахъ, пережившимъ восторги „великой, безкровной“ и при большевикахъ вновь попавшимъ въ старую, знакомую камеру. Чириковъ правильно подмѣтилъ ту неразрывную связь, которая въ дѣлѣ пролитія крови связываетъ всѣхъ революціонеровъ.

Кто же были эти „единицы“, убивавшіеся для блага народа?

Передо мною лежит „Книга русской скорби“, изданная въ 1911 г. Русскимъ народнымъ союзомъ имени Михаила Архангела. Седьмой выпускъ. Въ ней, какъ и въ предшествующихъ выпускахъ изложены описанія убійствъ жертвъ долга, приложены ихъ біографіи, фотографіи.

Въ связи съ тѣмъ „гевултомъ“, который поднять содержимой на іудейскія деньги „русской“ печатью по поводу покушенія на Милюкова и случайнаго убіенія В. Д. Набокова, поучительно познакомиться и съ другими болѣе многочисленными, хотя и менѣе извѣстными, жертвами террора, къ которому теперешніе политическіе кликуши отнеслись совершенно иначе.

Обратимся же къ печальному мартирологу книги дѣл
тельной скорби.

„Яковъ Чекель, урядникъ, убитъ 15 февраля 1909 г. въ м. Тростянахъ, Гродненской губ. двумя молодыми еврейчиками, напавшими на него сзади. Отецъ Ѳеодоръ Имшенецкій, священникъ с. Собичева, Черниговской губ; по окончаніи семинаріи, въ смиреніи, не чувствуя себя, по молодости лѣтъ, достойнымъ быть пастыремъ, нѣсколько лѣтъ присматривался въ качествѣ учителя къ сельской средѣ и затѣмъ только далъ священныя обѣты. Возмущенный проявленіями революціонной смуты, онъ, со ступень алтари, избличаетъ враговъ Россіи, не смущается получаемыми имъ угрожающими письмами и 18 марта 1908 г., при возвращеніи домой съ женой, убивается изъ за угла. Дѣтишки, выбѣжавшіе радостно на крыльцо встрѣчать родителей, увидѣли холодный трупъ отца. Даниилъ Куцъ, сельскій десятскій, с. Воловица, Черниговской губ; убитъ 15 апрѣля 1907 въ своемъ домѣ на глазахъ у старушки матери. Алексѣй Александровъ, городской Козловской полицейской команды; 13 декабря 1905 г. ночью убитъ на посту. Викторъ Цѣлинскій, помощникъ пристава г. Брянска, убитъ 2 апрѣля 1906 г. на дежурствѣ въ театрѣ выстрѣломъ въ затылокъ. Андрей Ковѣшниковъ, Стрѣлецкій волостной старшина, Ефремовскаго у. Тульской губ. убитъ 24 іюля 1909, при чемъ злодѣи, покончивъ съ несчастнымъ, привязали его трупъ въ распятомъ видѣ къ дрожкамъ: ноги къ распоркамъ задней оси, руки — къ переднимъ, голову привязали къ передку. Послѣ него осталась вдова и семь человекъ малолѣтнихъ дѣтей. Дмитрій Браунъ, Виндавскій уѣздный начальникъ, убитъ 20 мая 1906 г. разрывною пулей, попавшей въ позвоночникъ. Филиппъ Ильюкевичъ, урядникъ Минскаго у., убитъ 12 августа 1905 г. Іосифъ Орловъ, приставъ Вилькомирскаго у. убитъ 8 мая 1906 г. Преступники вынули его сердце и печень, изрубили ихъ въ куски и бросили въ рѣку. . . Левъ Вартенбургъ, начальникъ службы тяги въ Тифлисѣ, убитъ 21 Іюня 1906 г. выпущенными въ него изъ за угла 18 выстрѣлами изъ браунинга. Александръ Преображенскій, конторщикъ Людиновскаго завода, убитъ 30 декабря 1907 г. за то, что открыто исповѣдуя монархическія убѣжденія, боролся съ агитаторами. Сергѣй Карповъ, начальникъ С. Петербургскаго охраннаго отдѣленія, взорванъ былъ 8 декабря 1909 г. у себя въ квартирѣ при помощи адской машины. Пименъ Надточей, жандармскій унтеръ-офицеръ Люблинскаго управленія, убитъ 3 августа 1906 г. Иванъ Стефановскій, директоръ Азовской гимназіи, убитъ 13 сентября 1906 г. . . Иванъ Захаровъ, членъ Хасавъ-Юртскаго отдѣла союза:

русского народа, убитъ 7 ноября 1910 г. въ своей квартирѣ; остались вдова, шесть человекъ дѣтей. Иванъ Костюковъ, жандармскій унтеръ-офицеръ на станціи Кизиль-Арбатъ, убитъ 2 ноября 1907 г. Сергій Никифоровъ, жандармскій унтеръ-офицеръ на станціи Кокандъ, убитъ 27 августа 1906 г. Георгій Егуповъ, начальникъ Чарджуйскаго отдѣленія жандармскаго управленія, убитъ 10 октября 1907 г.

Послѣднимъ въ книгѣ помѣщено описаніе убійства Совѣтника Полтавскаго Губернскаго Правленія Ф. В. Филонова. Покойный выѣзжалъ на усмиреніе безпорядковъ въ с. Сорочинцы Полтавской губ., гдѣ былъ убитъ толпой помощникъ Миргородскаго уѣзднаго исправника Барабашъ. За это онъ подвергся травлѣ въ мѣстной лѣвой газетѣ „Полтавщина“, въ которой и появилась статья либеральнаго писателя Короленко подъ названіемъ „открытое письмо статскому совѣтнику Филонову“, въ которомъ, приведя рядъ лживыхъ и подтасованныхъ свѣдѣній, авторъ, прямо наводитъ читателя на мысль, что при вѣроятномъ бездѣйствіи суда законнаго, надъ Филоновымъ будетъ совершенъ судъ иной. Письмо было помѣщено 12 января, а 18 января Филоновъ былъ убитъ. Отвѣтъ послѣдняго, во время появленія статьи Короленко находившагося въ командировкѣ, появился уже послѣ его смерти. Филновъ понималъ и тогда къ чему приведетъ письмо Короленко. „По возвращенію изъ Сорочинцевъ“ заканчиваетъ онъ свой отвѣтъ клеветнику и подстрекателю „я получилъ анонимныя письма съ ругательствами и угрозами. Я смерти не боюсь. Я вѣрю въ Бога, вѣрю, что ничто не совершается помимо Его святой воли. Сверхъ того, я всегда думалъ, что умереть въ борьбѣ съ врагами родины, исполняя свой долгъ не за страхъ, а за совѣсть — хорошо и достойно. Поэтому я отнесся къ этимъ письмамъ совершенно равнодушно. Но вотъ, что знаменательно. Ваше открытое письмо появилось въ печати 12, а, начиная съ 13, анонимки посыпались какъ горохъ“. „Моя жена“ пишетъ онъ далѣе, „не успѣваетъ принимать анонимки и, въ концѣ концовъ, картинка получается недурная: талантливый гуманистъ (?) въ роли вдохновителя разныхъ социалистовъ, вооруженныхъ браунингами и разрывными снарядами. И вамъ не стыдно, г. писатель Короленко.“ Тогда же В. В. Шульгинъ открыто на страницахъ „Кіевлянина“ обвинилъ Короленко въ убійствѣ Филонова и интересно то, что сейчасъ же послѣ революціи, несмотря на всѣ заслуги Шульгина передъ послѣдней, лѣвыя газеты разкопали эту его статью и злобно набросились на него за оскорбленіе убійцы-писателя. Характерно и то, что, послѣ послѣдовавшей недавно смерти Короленко, вся либеральная эмигрантская печать въ прославленіи его трогательно объединилась съ большевиками, устроившими въ Россіи прославленіе его памяти.

Вотъ гдѣ имѣется настоящий, въ сущности никогда не сокрушавшійся „единный“ фронтъ, гдѣ Гессены и Бурцевы черезъ посредство ближайшихъ друзей пожимаютъ руки Ленинымъ, Алфельбаумамъ, и Раковскимъ.

И какимъ ничтожнымъ, въ сравненіи съ этимъ прочно построеннымъ и цементированнымъ кровью домомъ, представляется тотъ карточный домикъ, который изъ трухи былого прогрессивнаго блока собираются временами воздвигать напш политическіе младенцы, желающіе подъ кровлю его вмѣстятъ невмѣстимое.

Вотъ краткій переченьъ жертвъ терора, взятаго, да и то въ извѣщеніяхъ, изъ одной изъ 14 книгъ русской скорби. Всѣ эти обремененные семьями священники, городовые, жандармы, волостные старшины, конторщики, директора гимназій — были, очевидно, по мнѣнію радикаловъ и социалистовъ, врагами народа, направляли внутреннюю политику государства во вредъ развитію свободы и посему требовали немедленнаго изгнѣнія.

И подумать только, что этотъ ужасъ шельпаго истребленія невинныхъ людей, въ огромномъ большинствѣ непосредственныхъ сыновъ народа, — творился десятилѣтіями и знавшие обо всемъ этомъ, считавшіеся просвѣщеннѣйшими людьми — профессора, писатели, составившіе трактаты объ отмѣнѣ смертной казни, обходили въ лучшемъ случаѣ молчаніемъ это истребленіе жертвъ долга.

И, — что особо важно отмѣтить, — они, въ сущности, и не могли поступать иначе. Вѣдь всѣ эти взвинченные, часто дѣйствовавшие подъ силой гниюза — юноши и дѣвушки, — расчищали путь для нихъ, въ тиши кабинетовъ разрабатывавшихъ конституціонные, республиканскіе проекты, видѣвшихъ себя въ роляхъ Гамбеттъ, Гарибальди, Кавуровъ и прочихъ парламентскихъ дѣятелей. „Ихъ“ бомбами и пулями убивались изъ государственной жизни тѣ большіе и сильные люди, которые, храня непоколебимую вѣрность Самодержавнымъ Монархамъ, знали Россію, и долгое время составляли мощную плотину, сдерживавшую кровавый и мутный революціонный потокъ. Плотина должна была быть прорвана и надъ этимъ вопросомъ Милюковъ, тогдашній открытый единомышленникъ Гессена и Набокова, дружно работалъ вмѣстѣ съ Азефомъ и другими организаторами убійствъ.

Можно всячески объяснять первичный успѣхъ второй русской смуты, но, ясно и теперь, что одной изъ крупнѣйшихъ причинъ этого было то, что за послѣдніе пятнадцать лѣтъ лѣвыми союзниками кадетовъ были убиты твердые слуги Государя, которые не растерявшись въ 1905—1906 сумѣли бы справиться съ крамольниками и въ 1915—1917 годахъ.

Въ селеніяхъ праведныхъ почивали уже убитыми: В. К. Плеве, Д. С. Сипягинъ, Боголѣповъ, П. А. Столыпинъ, гр. А. П. Игнатьевъ, Н. Н. Бобриковъ, В. Ф. Лауницъ, гр. А. Шуваловъ, адмиралъ Чухнинъ, главный военный прокуроръ Павловъ, генералы Минъ, Карангозовъ, Алихановъ и многочисленный сонмъ истинныхъ ‘сыновъ Россіи.

Либеральное движеніе родилось отъ крови и въ ней же захлебнувшись погибаетъ теперь въ Россіи. Оно не отдѣлимо отъ крови, которая имѣетъ особый мистическій характеръ.

Во славу идей „свобода, равенство и братство“ пролита была въ концѣ восемнадцатаго вѣка кровь двухъ Монарховъ — Людовика XVI и Густава III, короля Швеціи, приговоренныхъ къ смерти масонами еще въ 1784 г. на происходившемъ во Франкфуртѣ на Майнѣ чрезвычайномъ собраніи „Великой эклектической ложи“.

Кто были наши прославленные „декабристы“? Большевики — нѣтъ, эс-эры — также нѣтъ. Типичные кадеты нашего времени. Достаточно прочесть посвященный имъ сочиненія Д. Мережковского и узнаются во всей ихъ неприглядной наготѣ дѣятели партіи „народной свободы“.

Какъ же они то относились къ терору? Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ романа Мережковского „14 декабря“, которые своевременно привелъ

В. В. Шульгинъ въ своей статьѣ „Отъ 14 декабря“ до „Царства антихриста“, помѣщенной въ № 18 газеты „Грядущая Россіа“ отъ 29 декабря 1921 г. и въ герояхъ коста видны прообразы и кадеты и иногда эсть-эровъ.

Вотъ какая сцена происходитъ по Мережковскому жду Рылѣвымъ и Каховскимъ . . .

— „Рылѣвъ отвелъ его въ сторону, вынулъ что-то изъ бокового кармана и потихоньку сунулъ ему въ руку.

— Что это? — удивился Каховскій и поднялъ рукъ. Въ ней былъ кинжалъ.

— Забылъ? — спросилъ Рылѣвъ.

— Нѣтъ, помню, — отвѣтилъ Каховскій. Ну, что жъ, спасибо честь!

Это былъ знакъ, давцо между ними условленный: получившій кинжалъ избирается Верховною, Думою Тайнаго Общества въ царскую бѣицу.

Рылѣвъ положилъ ему руки на плечи и заговорилъ торжественно; видно было, что слова заранѣе обдуманы, сочинены, можетъ быть, для потомства: „Будетъ и о насъ страничка въ исторіи“, какъ давеча сказали Бестужевъ.

— Любезный другъ, зирь на сей землѣ. Я знаю твое самоотверженіе. Ты можешь быть полезнѣе, чѣмъ на площади: убей царя.

Рылѣвъ хотѣлъ его обнять, но Каховскій отстранился.

— Какъ же это сдѣлать? — спросилъ онъ спокойно, какъ будто задумчиво.

— Надѣнь офицерскій мундиръ и рано поутру, до возмущенія, ступай во дворецъ и тамъ убей. Или на площади, когда выѣдетъ, — сказалъ Рылѣвъ. (Стр. 144).

Въ началѣ мая 1824 года на квартирѣ Рылѣева въ засѣданіи членовъ „Тайнаго Общества“ подполковникъ Пестель предложилъ истребленіе всѣхъ Членовъ Царскаго Дома. На это присутствующій Голицынъ сказалъ: „Согласенъ съ вами до корня“ (стр. 84 и 327).

— Помните Пестелевъ счетъ, сколько будетъ жертвъ? Тогда Рылѣвъ не захотѣлъ, ужаснулся, а теперь самъ считаетъ: одного государя убить мало, — надо всѣхъ членовъ Царскѣй фамиліи. Убіеніе одного не только не будетъ полезно, но, напротивъ, пагубно для цѣли Общества: раздѣлитъ умы, составитъ партіи, взволнуетъ приверженцевъ Царскаго Дома и породитъ войну междоусобную. Съ истребленіемъ же всѣхъ, — всѣ поневолѣ помирятся, и новое правленіе установится. (стр. 83).

„Но быть можетъ только Рылѣвъ, Пестель и Голицынъ были такими звѣрями?“ говоритъ Шульгинъ. „Декабристскій диктаторъ“ князь Трубецкой даетъ на это отвѣтъ.

Въ комнату врывается лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ князь Щепинъ-Ростовскій.

— Послушайте, Рылѣвъ, не могу я больше съ ними! Съ этими филантропами ничего не подѣлаешь! Тутъ просто надобно рѣзать, рѣзать, да и только!

Трубецкой ужаснулся.

— Ну вотъ, слышали? Это что же такое Рылѣвъ? А? — пролетѣлъ онъ, блѣднѣя.

— Ничего, Трубецкой, не безпокойтесь. Онъ только такъ говоритъ. Я его уйму. Онъ у меня въ рукахъ. Крикунъ, буянъ, а сердце доброе.

— Сердце доброе, а рѣзать хочеть — продолжалъ Трубецкой. — И не онъ одинъ, а всѣ. Только о крови, объ убійствахъ и думаютъ. (Стр. 103—104).

Погрузимся же дальше въ глубины русскаго либеральнаго освободительнаго движенія. Обратимся къ эпохѣ Царствованія Императора Александра II.

По этому поводу напому интересную рѣчь Н. Е. Маркова II, сказанную имъ I марта 1911 г. въ засѣданіи Государственной Думы въ отвѣтъ лѣвымъ на внесенный ими запросъ правительству по дѣлу провокатора Азефа, виднаго члена центральнаго исполнительнаго комитета эсъ-эровской партіи.

„Господа“ говорилъ Н. Е. Марковъ. „Я опасуюсь, что, выслушавъ сегодня, — въ день I марта, мои слова вы не будете такъ весело смѣяться, какъ вы это продѣлывали до сихъ поръ, — тѣмъ не менѣе, я все-таки произнесу свои слова.

Депутаты Гегечкори и Родичевъ здѣсь, очень долго, упрекали Министерство Юстиціи въ томъ, что оно сотрудничаетъ съ Азефомъ.

Господа, мнѣ странно слышать отъ революціонеровъ и пристанодержателей революціи упреки въ томъ, что Правительство, а въ частности Министерство Юстиціи, сотрудничаетъ съ лицомъ, по ихъ убѣжденію, недобросовѣстнымъ и преступнымъ, т. е. съ Азефомъ. Кто такой Азефъ, вамъ, господа лѣвые, конечно, ближе извѣстно. Я о немъ знаю только то, что слышу съ этой кафедры, короче говоря, знаю очень мало. Какъ бы то ни было, я нынѣ считаю необходимымъ обратить ваше вниманіе, — вниманіе пристанодержателей революціи и прямыхъ революціонеровъ, что этотъ самый Азефъ, котораго вы проклиняете здѣсь чуть не ежедневно, былъ сотрудникомъ не только Департамента Полиціи, но являлся также сотрудникомъ и вашихъ революціонныхъ сообществъ, — о чемъ вамъ надлежитъ твердо помнить. Азефъ былъ признаннымъ вашимъ главою, — онъ былъ вашимъ учителемъ. Десятки лѣтъ, Азефъ руководилъ вами и исполнялъ свою миссію въ вашей средѣ, — съ вами вмѣстѣ, подъ вашимъ флагомъ. (Крупенскій съ мѣста: и въ Парижѣ рядомъ съ Милюковымъ сидѣлъ). Если вы сейчасъ говорите, что Азефъ величайшій негодяй, то съ'атимъ я совершенно согласенъ, ибо онъ работалъ все время съ вами (рукоплесканія справа).

Какимъ образомъ человѣкъ, вышедшій изъ ихъ революціонной среды, человѣкъ, котораго революціонеры десятки лѣтъ посылали, по ихъ же авторитетному свидѣтельству, на грабежи и убійства, на убійства лучшихъ людей въ Россіи, на убійства даже людей Царской крови, — какимъ образомъ теперь, за сотрудничество съ этимъ ихъ пріятелемъ смѣютъ они же обвинять кого бы то ни было. Имѣютъ ли они, — эти революціонеры,

правственное право упрекать за сотрудничество съ ихъ руководителемъ, съ ихъ пріятелемъ, Азефомъ, Министерство Юстиціи? Вы, лѣвые, должны бы молчать, вы должны бы робко опустить глаза и смотрѣть внизъ, вамъ должно бы быть стыдно даже слушать, когда произносится имя Азела, но Азефъ — это мы сами (шумъ и рукоплескиа на справа).

Депутатъ Гегечкори, а также и депутатъ Родичевъ, упрекали Министерство Юстиціи въ томъ, что до сихъ поръ не открыты убійцы нѣкоего Караваева . . (голоса слѣва: вотъ, вотъ) что до сихъ поръ не наказаны убійцы Герценштейна и Иоллоса. Объ этомъ мы слышимъ уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, — уже нѣсколько лѣтъ, произносятъ эти три фамиліи, изъ коихъ двѣ еврейскія. Это три жертвы, яко бы, правыхъ неистовствъ. И вотъ, за убійство этихъ трехъ лицъ, яко бы, правыми людьми, — что, впрочемъ, совершенно не доказано, насъ заставляютъ выслушивать массу рѣчей съ нападками на Правительство, на Думу.

Конечно, убійство не то что трехъ, и даже одного, и не только человѣка, но хотя бы и одного іудея, есть преступленіе. Но, господа, надо соблюдать мѣру. До сихъ поръ, съ разными натяжками, вы могли приписать правымъ монархистамъ три убійства за нѣсколько лѣтъ, приписать, совершенно несправедливо, безъ всякихъ доказательствъ, ибо судъ вашихъ обвиненій не подтвердилъ. Трехъ убитыхъ, яко бы нами, вы начисляете въ своемъ лагерѣ, и это прошу васъ запомнить. Но почему же вы не говорите, господа, о томъ, кого убили 30 лѣтъ тому назадъ, въ ужасный день 1 марта?

Почему объ этомъ убійствѣ вы не вспомните?

Вы все твердите о какихъ-то Караваевыхъ, Иоллосахъ, Герценштейнахъ, — а объ убійствѣ въ Бозѣ почивающаго Императора, Самодержца Всероссійскаго, Александра II забыли. Вотъ о комъ надлежало бы вамъ припомнить — въ этотъ день 1 марта, а ужъ никакъ не о Караваевѣ. — И я вамъ напомню. Вы разказывали побасенки, а я (голосъ слѣва: разкажу сказку) сообщу исторію этого дня: кто убилъ Александра II.

„Предо мною“, продолжалъ Марковъ, „лежитъ изслѣдованіе приватдоцента Глинскаго. На стр. 1023 „Историческаго Вѣстника“ за 1910 г. мы читаемъ:

„Была выработана программа мѣстной центральной группой партіи „Народной Воли“, — это названіе звучитъ почти такъ же, какъ „Народная свобода“, но эти партіи не совсѣмъ тождественны (голосъ справа: тождественны.) Я не буду васъ затруднять чтеніемъ всей этой, впрочемъ, довольно краткой программы, но выдержки попрошу выслушать. — Статья пятая гласитъ: „Кандидатъ въ члены центральной группы долженъ удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: представить трехъ поручителей изъ числа членовъ организаціи; долженъ обнаружить преданность дѣлу организаціи, доходящую до самопожертвованія, имѣть уже революціонное прошлое, — быть человѣкомъ, ранѣе доказавшимъ свою способность вести революціонную работу“ т. е. уже имѣть руки, — обогрѣнныя человѣческой кровью.“

Статья 13 говоритъ слѣдующее, — я попрошу вашего особаго вниманія — „Центральная группа имѣетъ право приговаривать къ

смертной казни частных лиц, своих шпионов и должностных лиц, рангом до губернатора, на уничтожение которого нужно испросить разрешение исполнительного комитета."

Это, господа, составлено не для черносотенной организации, а для той, — которая на своем знамени поставила: „долой смертную казнь.“ (смѣхъ). Статья 19 и послѣдняя гласитъ: „Выходить членовъ общества не допускается“. Слова „не допускается“ написаны курсивомъ, (голосъ справа: ого, вотъ это свобода). Вы, конечно поймете, что будеть съ тѣмъ членомъ партіи, который .. „допустить выходъ“. Онъ будетъ преданъ смертной казни. Вотъ господа, какія правила ими были составлены „для мѣстныхъ“ революціонныхъ учрежденій (смѣхъ справа и въ центрѣ). Что же касается центрального исполнительнаго комитета, то онъ имѣлъ право устранять, освобождать отъ жизни рѣшительно всѣхъ, — уже никого не спрашивая о позволеніи.

Именно этотъ самый, центральный исполнительный комитетъ „Народной Воли“, — этой вашей аіта матер приговорилъ на своемъ Липецкомъ съѣздѣ Императора Александра II къ смертной казни и это гнусное вопіющее злодѣйство совершилъ 30 лѣтъ тому назадъ, въ день 1 марта 1881 г.

Такъ говорить не анекдоты, а исторія.

Такъ вотъ какъ надо понимать возгласъ — „долой смертную казнь“ когда этотъ возгласъ раздается съ лѣвыхъ скамей. Онъ означаетъ, что лѣвые могутъ убивать кого имъ угодно но, — ни въ коемъ случаѣ, Правительство не должно казнить лѣвыхъ убійцъ.

Иначе понимать вашего поведенія нельзя, господа Азефы.

Нечего говорить объ отношеніи лѣвыхъ къ свободѣ слова, къ свободѣ личности. Они выразили это въ своихъ же уставахъ. Вы видите, что ихъ свобода — это рабство передъ революціонными организациями. Вы всѣ, лѣвые, находитесь въ рабской зависимости отъ злодѣйскихъ сообществъ вашихъ, а потому считаться съ вами, какъ съ независимыми личностями, обладающими свободной волей, — невозможно. Вы не граждане, вы — рабы вашихъ организацій, а ваши организаціи суть злодѣйскія шайки преступниковъ. Но дальше. Тридцать лѣтъ тому назадъ, партія „Народной Воли“, изъ которой послѣ вывелись, какъ пылката изъ яицъ социаль-демократы, социаль-революціонеры, трудовики и такъ далѣе и такъ далѣе (смѣхъ) Грань между революціонерами и калетами не замѣтна, она стирается, — да этой грани, кажется, и нѣтъ вовсе

Итакъ Императоръ-Освободитель былъ казнень, — казнень, за что же?

Онъ былъ казнень, такъ какъ былъ признанъ неудобнымъ, мѣшающимъ кому-то.

Но кому же?

А никому другому, какъ — іудеямъ

На стр. 581 того же историческаго документа (голосъ справа: Нисселовичъ: слушайте! Голосъ слѣва: это ложь! Голосъ справа: Нисселовичъ: молчите). Желające прочесть могутъ обратиться въ бібліотеку Государственной Думы, взять „Историческій Вѣстникъ“ 1910 года, за августъ мѣсяцъ, прочесть на свободѣ и обдумать. Итакъ, я читаю:

„Говорили о царевубійствѣ“, — это даетъ свои показанія іудей Гольдбергъ, — „съ теченіемъ времени, больше прежняго стали придавать особое значеніе сему преступленію, какъ средству достиженія цѣлей, преслѣдуемыхъ не только партіей террористовъ, но вообще всею социаль-революціонною партіей. Подъ вліяніемъ такой мысли находился и онъ, Гольденбергъ. Послѣ совершенія убійства кн. Кропоткина, въ мартѣ 1880 года, онъ, отправившись въ Петербургъ, задался цѣлью возбудить тамъ вопросъ объ царевубійствѣ. (Это говоритъ іудей Гольденбергъ!) и всесторонне обсудить его“. Іудей какъ видите, очень обстоятельный. Приѣхавъ въ Петербургъ онъ встрѣтился здѣсь съ знакомыми изъ которыхъ „приходилось раньше говорить съ Зунделевичемъ и съ Александромъ Михайловымъ.“ Въ разговорѣ съ ними послѣ 13 марта ему снова пришлось говорить о царевубійствѣ. Подъ вліяніемъ созрѣваемаго желанія онъ Гольденбергъ, Зунделевичъ тоже іудей и Александръ Михайловъ сначала обсуждали этотъ вопросъ втроемъ, но имъ эта компанія изъ двухъ іудеевъ и одного русскаго предателя показалась недостаточною и они пригласили къ себѣ еще Людвигъ Кобылянского и Александра Квятковскаго.

— И вотъ, — два поляка — два іудея и одинъ русскій предатель составили комитетъ, который успѣлъ организовать преступленіе Соловьева, стрѣлявшаго въ Императора Александра II, около Зимняго дворца.

Самое интересное слѣдующее:

Когда эта пріятная и истинно теплая компанія, г. Гегечкори, вотъ это была теплая компанія, которую напрасно вы искали на правыхъ скамьяхъ, когда эта теплая компанія собралась въ одномъ изъ трактировъ на Садовой улицѣ, то первымъ предложилъ свои услуги убить Священну Особу Государя Императора іудей Гольденбергъ, „но предложеніе его не было принято, такъ какъ находили (кто находилъ — неизвѣстно), что ему, какъ еврею, не слѣдуетъ брать этого дѣла на себя, ибо тогда для общества, а главное, для народа“, — слушайте крестьяне, тѣ крестьяне, которые еще не сняли креста, слушайте: „что ему, какъ еврею, не слѣдуетъ брать этого дѣла на себя, ибо тогда для общества, а главное, для народа, оно не будетъ имѣть должнаго значенія“. Признали поэтому, что преступленіе долженъ совершить непременно русскій и только въ такомъ случаѣ оно получитъ надлежащее значеніе и окраску, будетъ — де жидовская подмалевка къ русскому злодѣйству. Такъ вотъ кто задумалъ преступленіе убійства Императора Александра II, вотъ кто, въ концѣ концовъ, оное злодѣяніе устроилъ — это іудей.

31 марта, Гольденбергъ, „какъ нелегальный“, не замедлил выѣхать въ Харьковъ, по желѣзной дорогѣ, куда прибылъ вечеромъ 2 Апрѣля а при отъѣздѣ получилъ отъ Зунделевича значительное число прокламацій. Преступленіе Соловьева произошло 2-го Апрѣля, а зачинщикъ, іудей Гольденбергъ, вмѣстѣ съ іудеемъ же Зунделевичемъ, еще 31 марта, отбылъ въ Харьковъ. Господа, роль іудеевъ въ этомъ ужасающемъ дѣлѣ совершенно ясна. Но я сейчасъ говорю не по іудейскому вопросу, а по вопросу объ Азефахъ, предателяхъ, мошенникахъ, и царевубійцахъ, я, возвращаясь къ этому основному вопросу, я продолжаю. Тридцать лѣтъ тому назадъ Императоръ Александръ II былъ злодѣйски умерщвленъ партією „Народной Волей“, — этой alma mater всѣхъ нынѣшнихъ

соціалистическихъ, революціонныхъ и отчасти радикально-прогрессивныхъ партій. Что это именно такъ, что грань между революціонерами и теперешними ка-деками была весьма не ясна, если она вообще когда нибудь существовала, это видно изъ той же исторіи. Въ день царевубійства 1 Марта, нѣкоторые литераторы, которые затѣмъ, въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ, даже и признавались, поджидали наступленія „желаннаго конца“ на Невскомъ проспектѣ, съ затѣннымъ дыханіемъ, и, когда услышали злодѣйскіе взрывы, то нѣкоторые изъ нихъ даже перекрестились: Слава те Богу. Наконецъ, то достигли своего.... Эти литераторы не были членами партіи „Народной Воли“, но они были родными отцами, прямыми учителями вашихъ гг. ка-деки. Среди литераторовъ кадекскаго типа — въ то время это гнусное слово еще не существовало, среди литераторовъ кадекскаго типа, которые являлись сотрудниками партіи „Народной Воли“, т. е. сотрудниками царевубійцъ, были: Михайловскій, Станюковичъ, и Глѣбъ Успенскій, эти ваши истинные руководители, и учителя, и теперь вы отъ нихъ не откреститесь. Я утверждаю, что въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ II былъ убитъ не одними революціонерами и соціалистами. Онъ былъ убитъ при попустительствѣ и при пристанодержательствѣ іудеевъ и прогрессистовъ т. е. нынѣшнихъ кадексовъ.

Вотъ эта тема интереснѣе вашихъ анекдотовъ про убійство Караваева „неизвѣстными“ вамъ людьми. Тутъ вы мастерски вываете если не къ небу то къ потолку — этому стеклянному потолку — о справедливости. Вы возмущаетесь смертными казнями, и въ тоже время составляете уставы о смертныхъ казняхъ. Вы возмущаетесь, что убиваютъ какого то Караваева, и въ тоже время вы сами убили Императора Александра II. Вы насъ, правыхъ называли теплой компаніей, а я вамъ скажу что теплая компанія это та, которая грѣлась у дымящихся мученической кровью останковъ въ Бозѣ почивающаго Императора. Вы убили Императора и какого Императора! Убили Александра II, который далъ крестьянамъ не только свободу, а и землю, который создалъ тѣ, чего не въ одномъ государствѣ создаваемо не было. Вездѣ было освобожденіе рабовъ, но нигдѣ не бывало надѣленіе крестьянъ землею. Императоръ Александръ II былъ величайшій Государь, который далъ крестьянамъ не только свободу, но и землю, имущество, нынѣ оцѣниваемое почти въ 20 миллиардовъ рублей, а вѣдь всего 50 лѣтъ назадъ у крестьянъ не было не единого гроша. Убили Императора, который далъ судъ правый, скорый, милостивый, тотъ судъ который вы теперь стремитесь испакостить. Вы убили того Царя, который далъ земское самоуправленіе и городское самоуправленіе, который ввелъ всеобщую воинскую повинность, который заставилъ служить подъ солдатской шапкой рядомъ крестьянина и дворянина, — вчерашнаго крѣпостного и его вчерашняго господина. Вы убили того Государя, который освободилъ славянъ отъ турецкаго ига. — И вы Его убили тогда, когда уже на Его столѣ лежало подписанное Его собственною Императорскою рукою учрежденіе Общей Коммисіи, т. е. образованіе той же самой Государственной Думы, — правда, на болѣе вѣрныхъ началахъ, чѣмъ та, въ которой вы теперь присутствуете. Вотъ истинное злодѣйство, которое было совершено тридцать лѣтъ тому назадъ

вашими отцами, вашими руководителями, господствующими. — За это страшное преступление вы ответственны, и эту ответственность вы никогда с себя не снимете. Тут вы выходите на кафедру, тут вы припѣваете разные пѣсенки, стихи, гдѣ говорите о томъ, какъ будете попирали вы русскаго народа (шумъ въ залѣ) и короны Царей. Такъ грозилъ, кажется, Бѣлоусовъ, вообще кто-то изъ васъ, революціонеры, произносилъ такіе слова. Откуда, вы постоянно кричите, что въ Россіи будетъ революція, что вы все сметете въ прахъ. Но прежде, чѣмъ такъ кричать, чѣмъ возмущаться на несправедливости, прежде, чѣмъ упрекать Правительство въ томъ, что оно поступаетъ не такъ, какъ вамъ хочется, помните, кто вы сами есте, помните, что отъ вашего довѣрія, котораго вы лишаете русское Правительство, — Правительство Самодержца Всероссійскаго что отъ этого вашего довѣрія краснѣть надо, что недоувѣріемъ вашимъ надо гордиться. Помните, что вы цареубійцы (рукоплесканія справа)."

Отмѣчая эту рѣчь Маркова замученный нынѣ большевиками М. О. Меньшиковъ, въ своей статьѣ „Народоубійство" обращаетъ особое вниманіе на участіе въ террорѣ іудеевъ. „Не забудьте" пишетъ онъ въ „Новомъ Времени", „что смертоносная бомба подъ ноги Императора Александра II была сдѣлана въ іудейской квартирѣ и брошена полюкомъ. Читая исторію подготовки I марта вы поминутно встрѣчаете имена такихъ террористовъ какъ — Натансонъ, Дейчъ, Войнаральскій, Арончикъ, Аптекманъ, Девель, Хотинскій, Бухъ, Колоткевичъ, Гесля Гельфманъ, Люстигъ, Фридензонъ, Цукерманъ, Лубкинъ, Гартманъ и др."

Подавленное мощною волею великаго Самодержца Императора Александра III, террористическое движеніе возобновило свою „работу" въ началѣ девятисотыхъ годовъ прошлаго столѣтія и начало планомерно дѣйствовать послѣ извѣстнаго соглашенія, заключеннаго въ Парижѣ между убійцами теоретиками — представленными Павломъ Милюковымъ и убійцами практиками — возглавляемыми іудеемъ Евно Азефомъ.

Кромѣ послѣдняго жидъ главными организаторами актовъ террора были: его же соплеменникъ Михайлъ Гоцъ, каковаго барда каторги писатель Дорошевичъ въ посвященномъ ему некрологѣ опредѣлялъ какъ одного изъ тѣхъ „Наполеоновъ революціи, которые, сидя въ Латинскомъ кварталѣ въ Парижѣ или на берегу Женевского озера, даютъ сраженіе правительству, кидали въ бой тысячи людей въ Москвѣ, Свеаборгѣ, Кронштадтѣ, Севастополѣ". Другимъ дѣйствовавшимъ въ самой Россіи соратникомъ по кровавому дѣлу являлся Борисъ Савинковъ, которому послѣ революціи не считали зазорнымъ пожимать руки многіе люди увѣренные въ своей порядочности и ранѣ дѣйствительно не вызывавшіе въ этомъ сомнѣнія.

Именно „на берегахъ Женевского озера" этимъ триумvirатомъ падачей намѣчены были главные убійства, въ томъ числѣ Великаго Князя Сергія Александровича и Министра Внутреннихъ Дѣлъ В. К. Плеве. Повѣствуя въ своихъ воспоминаніяхъ объ этихъ совѣщаніяхъ, Савинковъ передаетъ свое заявленіе Азефу о томъ, что убійство Плеве считаетъ важнѣйшей задачей момента. Лицамъ, возводящимъ нынѣ этого

господина въ патриоты, напомнимъ, что это намѣчавшееся преступленіе явилось „важнѣйшимъ” во время тяжелой для Россіи войны съ Японіей. Савинкову поручена была антреприза убійствъ, ближайшими помощниками его являлись: иудейка Дора Бриллиантъ, Егоръ Сазоновъ, Егоръ Дулебовъ, убившій до этого Уфимскаго Губернатора Богдановича, Иванъ Калевъ, иудей Швейцеръ и Лейба Сикорскій.

Тѣмъ, кто такъ взволновался покушеніемъ на Милюкова, въ особенности той несчастной молодежи, которая, несмотря на гибель Родины, не отрѣшилась еще отъ поклоненія краснымъ идеаламъ и не знакома всѣми „красотами” русскаго „освободительнаго” движенія, совѣтуемъ прочесть книгу „Былое” и особенно воспоминанія Савинкова, съ особымъ смакомъ повѣствующаго о той „охотѣ” которую онъ велъ за своими жертвами.

Племе былъ убитъ 15-го іюля 1904 г. Сазоновымъ, бросившимъ въ него бомбу на глазахъ у провождавшаго его работу Савинкова. Великій Князь Сергій Александровичъ былъ убитъ 4 февраля 1905 г. бомбой снаряженной Дорою Бриллиантъ и брошенной Калевымъ.

Официальное сообщеніе такъ передаетъ послѣднее убійство.

„4-го февраля 1905 г. въ Москвѣ, въ то время какъ Великій Князь Сергій Александровичъ проѣзжалъ въ каретѣ изъ Николаевскаго Дворца на Тверскую, — на Сенатской Площади въ разстояніи 65 шаговъ отъ Никольскихъ Воротъ неизвѣстный злоумышленникъ бросилъ въ карету Его Высочества бомбу. Взрывомъ, происшедшимъ отъ разорвавшейся бомбы, Великій Князь былъ убитъ на мѣстѣ, а сидѣвшему на козлахъ кучеру, Андрею Рудинкину, были причинены многочисленныя тяжкія тѣлесныя поврежденія. Тѣло Великаго Князя оказалось обезображеннымъ, причемъ голова, шея, верхняя часть груди съ лѣвымъ плечомъ и рукою были оторваны и совершенно разрушены, лѣвая нога передомлена съ раздробленіемъ бедра, отъ котораго отдѣлилась нижняя его часть, голень и стопа. — Силою произведеннаго злоумышленниками взрыва кузовъ кареты, въ которой слѣдовалъ Великій Князь, былъ расщепленъ на мелкіе куски и, кромѣ того, были выбиты стекла наружныхъ рамъ ближайшей къ Никольскимъ Воротамъ части зданія судебныхъ установленій и расположеннаго противъ этого зданія арсенала.”*)

Не правда ли, молодые люди изъ Праги, красочная картина освободительнаго движенія? Такому произведенію Савинкова, пожалуй, позавидуютъ Дзержинскій съ Петерсомъ.

Окрыленные успѣхомъ, восхваляемые и тогда сидѣвшимъ за границей, но на другихъ роляхъ — Бурцевымъ, террористы и далѣе вершили свою работу. „Герои и мученики” какъ именовалъ политическихъ убійцъ адвокатъ иудей Маргулісъ*), нынѣ, присланный масонами въ Берлинъ для уловленія неустойчивыхъ душъ, — усердно расчищали путь для Милюковыхъ и прочихъ кадетовъ.

„Я достоинъ петли, потому что въ отношеніи къ своимъ врагамъ самъ не признавалъ другой тактики, кромѣ пули и бомбы, — заявлялъ

*) А. С. Шмаковъ. Международное тайное правительство. Москва 1912 стр. 738.

*) А. С. Шмаковъ. Свободы и евреи. Москва 1906 стр. С. Д. III.

въ маѣ мѣсяцѣ 1907 г. въ Киевѣ Соломонъ Янкелевъ Рысь, видный членъ боевой организаціи партіи эсъ-эровъ.

Наряду съ Экзархомъ Грузіи Никономъ, министрами, генералами, губернаторами, убивались городовые, стражники, простые обыватели, смѣвшіе возражать противъ революціоннаго движенія.

„И тебя, старикъ, не пощадили“ краснорѣчиво говорила надѣшъ на одномъ изъ вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ убитаго въ Москвѣ околоточнаго надзирателя Шукина, прослужившаго 30 лѣтъ.

Дворянинъ Л. В. Генико телеграфировалъ Предсѣдателью Государственной Думы Муромцеву о неправильномъ веденіи разслѣдованія Бѣлостокскаго еврейскаго погрома депутатами Якубзономъ и Щепкинымъ. Въ отвѣтъ на это онъ черезъ четыре дня подвергается покушенію. 5-го іюня 1903 года, на Невскомъ проспектѣ, Пинхусъ Срулевъ Дошевскій нанесъ стойкому, національному борцу редактору-издателю „Бессарабець“ и „Знамя“ Крушевану ударъ финскимъ ножомъ, около сонной артеріи. Студентъ Янкель Фишманъ покушался на Предсѣдателя Одесскаго Союза русскихъ людей графа А. И. Коновницына.

За краткій періодъ съ 1-го іюля по 15 августа 1906 г. было: покушеній на жизнь 613, неудавшихся 38, убито 244, ранено 331.

Въ воззваніи выпущенномъ въ іюлѣ 1906 г. партією социаль-революціонеровъ сейчасъ же послѣ роспуска Первой Государственной Думы, въ числѣ прочихъ бунтарскихъ мѣръ, предписывалось: „Рекомендуется широкое развитіе террористическихъ дѣйствій противъ всѣхъ активныхъ лицъ администраціи-дѣйствій, какъ партизанскихъ такъ и массовыхъ.“

Латышская социаль-демократическая партія, въ лицѣ своего центрального комитета, прямо выпустила обязательное постановленіе, гласившее: „Пасторы, по приказанію консисторіи, порицающіе павшихъ борцовъ, должны быть застрѣлены.“ И во исполненіе этого черезъ весьма короткій срокъ убивается пасторъ Циммерманъ, за нимъ слѣдуютъ другіе.

Всѣ русскіе люди, занимавшіе должностные посты, а также входившіе въ правныя организаціи, готовы были къ смерти.

В. К. Плєве, принявшій постъ Министра Вн. Дѣлъ послѣ убійства 2-го апрѣля Балмащевымъ Д. С. Сипягина, прежде всего, готовясь къ смерти говѣлъ и приобщался въ Троицко — Сергіевской Лаврѣ.

Какъ краснорѣчивы эти слова доблестнаго командира Л. Г. Семеновскаго полка Г. А. Мина; незадолго до своей смерти отъ руки убійцы, говорившаго при осмотрѣ сооружавшейся усыпальницы подъ церковью родного полка. „А вотъ здѣсь меня похоронятъ, когда убьютъ“.

Что же въ это время дѣлали гуманные, просвѣщенные либеральные дѣятели и ихъ лѣвые друзья, дружно поднявшіе нынѣ такой шумъ вокругъ событія въ Берлинѣ, клеветущіе на монархистовъ? Они имѣли въ своемъ распоряженіи кафедру Государственной Думы, аудиторіи выспіихъ учебныхъ заведеній, народные дома, вродѣ учрежденія Паниной, многочисленныя газеты.

Въ лучшемъ случаѣ они просто молчали, иногда апплодировали, какъ напр. на кадетскомъ собраніи въ Петербургѣ 23 апрѣля 1906 года подъ предсѣдательствомъ Винавера, при извѣстіи о локушеніи на жизнь адмирала Дубасова, — кричали „мало“ при перечнѣ Столыпиннымъ жертвъ долга въ первой Думѣ, неоднократно отказывались

высказывать осужденіе террору во второй Думѣ. Въ лицѣ кадета Щепкина слали Столыпину пожеланія „гибели“, что и было исполнено 1-го сентября 1911 г. іудеемъ Мордко Богровымъ. Злобными строками: сотрудника руководившейся Гессеномъ, Милюковымъ и Набоковымъ газеты. „Рѣчь“ Вл. Азова иронизировали надъ ужаснымъ преступленіемъ 12 августа 1906 г. — адскимъ снарядомъ, брошеннымъ въ дачу Столыпина.*)

Послѣ убійства въ Бороногльбскѣ казачьяго офицера Абрамова, затравленнаго кадетской печатью по дѣлу Маруси Спиридоновой, убившей Совѣтника Тамбовскаго Губернскаго Правленія, Луженовскаго — профессоръ Максимъ Ковалевскій, избранникъ академическихъ группъ въ Государственный Совѣтъ, — въ радикальной газетѣ, „Страна“ спрашивалъ почему до сихъ поръ цѣль и невредимъ другой припутанный къ этому дѣлу офицеръ Ждановъ. Вскорѣ и тотъ оказался убитымъ. (Шмаковъ. Свобода и евреи).

Они даже „визжали отъ радости“

„Да легкомыслены мы были, Иванъ Федоровичъ, легкомыслены“ говорилъ послѣ революціи Наживину писатель Бунинъ. „Теперь грѣха таить уже нечего... Я помню, получилъ я у себя въ деревнѣ извѣстіе о смерти Столыпина — теперь трудно и повѣрить —, что я бѣгалъ по террасѣ и визжалъ отъ радости .”**)

И какъ много было, вастъ, такихъ — радующихся!

Въ Одессѣ, въ мартѣ 1919 года, послѣ усиленной травли въ іудейскихъ газетахъ, къ каковымъ былъ близокъ „сенаторъ“ производства Керенскаго Грузенбергъ, буквально разстрѣливается жидами на улицѣ Николай Николаевичъ Родзевичъ, глава мѣстныхъ монархическихъ организацій, человекъ кристальной чистоты, всегда высоко державшій знамя монархизма.

Къ тому времени въ столицу Новороссіи сбѣжало все то, что устроилось нынѣ по городамъ Европы, — тамъ были всѣ тѣ же банковскіе, промышленные общественные и прочіе дѣятели посылавшіе нынѣ соболѣзнуюющія телеграммы редакціи газеты „Руль“. Отчего же молчали, вы, всѣ тогда — въ мартѣ 1919 года; отчего грозно не осудили убійство этой жертвы израильской мести?

Оттого, что вы — лицемѣры, потому что у вастъ на все имѣются двѣ мѣрки. Малому научили также и тѣ потоки крови, которыми залили нынѣ Россію достойные послѣдователи Савинкова, ле внушили явного отвращенія къ террору, поскольку онъ не коснется кого либо изъ братьевъ каменщиковъ.

Еще недавно газета „Общее Дѣло“, долго содержавшееся на средства главнаго командованія Русской Арміи позволила себѣ помѣстить хвалебную статью посвященную Каляеву, „подвигъ“ котораго описанъ выше. Бурцевъ остается вѣренъ себѣ. Удивляешься не ему, а тѣмъ, кто и нынѣ послѣ явно выраженаго сочувствія убійцѣ Великаго Князя считаетъ возможнымъ привлекать къ созидательной работѣ того, кто въ свое время столь же дружески бесѣдуя съ Ленинымъ и Троцкимъ, вѣроу и правдоу

*) „Двуглавый Орелъ“. — 15 и 20 выпуски. Статьи Н. Д. Тальберга: „Отъ декабристовъ до большевиковъ“ и „Гибельный опытъ“.

**) И. Наживинъ. Записки о революціи. Стр. 185.

служа эсъ-эрамъ т. е. партіи террористовъ, являясь членомъ революціоннаго трибунала, — работалъ надъ подготовкой разрушенія Россіи.

Какъ бы вы, вдохновители революціи различныхъ ранговъ, старались нынѣ превратиться въ политическихъ агнать, — кровь замученныхъ, благодаря вамъ жертвъ, давно вопіетъ къ небу и недалека тотъ часъ, когда окончательно рухнетъ воздвигнутое вами освободительное зданіе.

Теперь вы всячески стараетесь использовать смерть Набокова, отлично понимая, что онъ то является лишь случайною жертвою, каковой могъ оказаться любой изъ іудеевъ, окружавшихъ ихъ любимца Милюкова, на котораго и произведено было покушеніе. На страницахъ газетъ, устами позорныхъ „героевъ“ революціи, вродѣ Родзянки, вы пытаетесь пристегнуть къ этому дѣлу организованныхъ монархистовъ, опять же въ душѣ отлично сознавая всю вздорность подобныхъ утвержденій. Но вѣдь еще кадетъ Кизеветтеръ въ составленномъ для васъ „катехизисѣ“ училъ васъ прибѣгать къ подобнымъ приемамъ.

Намъ монархистамъ, вѣрящимъ въ недалекое торжество нашихъ чаяній подобное устраненіе враговъ Россіи совершенно не нужно. Мы знаемъ, что близится время, когда всѣ эти Милюковы, Винаверы, князья Львовы, Плетневы и имъ подобныя лица предстанутъ передъ судомъ, творящимъ правосудіе „по указу Его Величества“. Ему то и дадутъ они отвѣтъ за всѣ свои преступленія. Судить ихъ будетъ самъ народъ въ лицѣ своихъ выборныхъ, которые составятся изъ тѣхъ уцѣлѣвшихъ обитателей ранѣ богатаго Поволжья и цвѣтущей Новороссіи на глазахъ коихъ, во славу революціи, поѣдались живые и мертвые люди, изъ отцовъ и братьевъ юношей, погибшихъ въ борьбѣ съ красною нечистью, за спинами которыхъ прятались подсудимые и продолжали свою разрушительную работу; изъ тѣхъ кто вытерпѣлъ сидѣніе въ Галлиполи и тяжелую службу въ пригрѣвшихъ ихъ, вопреки Милюковымъ и Плетневымъ, Сербіи и Болгаріи и читалъ какъ они натравливали на нихъ иностранцевъ. Имъ этимъ судьямъ должны будутъ они представить свои оправданія — и въ клеветѣ 1-го ноября 1916 года на Государыню Императрицу, и въ неприятіи мѣръ къ охраненію плѣненной ими Царской Семьи, и въ допускѣ въ Россію большевиковъ, и въ растраченныхъ деньгахъ и въ провокаторской работѣ противъ арміи. И приговоръ вамъ, государственные преступники, на совѣсти коихъ лежатъ миллионы погубленныхъ жизней, вынесетъ не одиночная пуля, оскорбленная въ своихъ лучшихъ чувствахъ одного изъ травимыхъ вами юношей, а народная совѣсть и возстановленные статьи Уложенія о наказаніяхъ и Уголовнаго Уложенія о сотыхъ статьяхъ котораго вы, думается, не разъ вспоминаете не безъ волненія. . .

Вамъ все равно не уйти ни отъ кары Божьей, ни отъ суда людскаго. Наша же обязанность состоитъ въ томъ, чтобы продолжать кропотливо собирать обвинительный противъ васъ матеріалъ, и принимать мѣры къ тому, чтобы имъ енно живыми и передать васъ въ руки справедливаго, но грознаго суда.

Н. Тальбергъ.

„Предтеча“.

Онъ идетъ безжалостной грозою,
Не шадя ни жизни, ни труда,
Отъ него, безумною толпою,
Покидаютъ люди города. . .

Онъ идетъ. . . За нимъ слышны проклятья,
Стоны мукъ. . . Предсмертный хрипъ и плачь,
Но ко всѣмъ холодныя объятъ
Тянетъ онъ — карающій палачь. . .

Онъ идетъ, круша какъ тяжкій молотъ
Всѣхъ людей, что встрѣтитъ на пути,
Онъ твердитъ: „Я вамъ владыка-голодъ,
„Отъ меня вамъ не уйти! . .

„Триста лѣтъ, подъ мощною рукою,
„Съ вѣрой въ сердцѣ, мирно жилъ народъ,
„Русскій Царь, съ нимъ спаянный душою
„Былъ его защита и оплотъ.

„Но надъ Русью, въ часъ войны кровавой,
„Сатана зажегъ свою зарю
„И народъ, простясь съ былою славой,
„Поклонился новому „Царю“.

„Царь тотъ былъ — миражъ земной свободы,
„Онъ былъ — ложь, страданье и тоска;
„На пути его, за эти годы,
„Кровь лилась, какъ алая рѣка;

„Злобно шелъ съ оружьемъ братъ на брата,
„Разрушались села, города. . .
„И за нимъ, какъ страшная расплата,

„Я иду — безстрастный и холодный. . .
„Я пришелъ! Готовьтесь, близокъ часъ,
„На Руси, истерзанной, голодной,
„Божій свѣтъ, незримый, не угасъ:

„Онъ задутъ, онъ теплится чуть видно,
„Въ душахъ тѣхъ, что заволокъ туманъ. . .
„Часъ грядетъ. . . Имъ скоро будетъ стыдно,
„Что они повѣрили въ обманъ. . .

„И забывъ страданья и лишения,
„Осѣнивъ себя Святымъ Крестомъ,
„Встанетъ Русь, въ порывѣ просвѣтленья,
„Пожалѣетъ о быломъ,

„Отряхнеть все пошлѣе, больное,
„У родныхъ покается Святынь
„И начнетъ строительство иное
„Средь своихъ разграбленныхъ пустынь;

.

„Будетъ трудъ и тихій миръ покоя,
„Будетъ судъ и правда, какъ и встарь,
„И тогда, Россію снова строя,
„На Престолѣ сядетъ Русскій Царь!

Князь Федоръ Касаткинъ Ростовскій.

Царскія знамена.

Недавно въ Русскомъ госпиталѣ въ Пиреѣ (Греція) происходило трогательное торжество, напомнившее многимъ старое доброе время съ его величіемъ и красотой.

Послѣ расформированія „Особой дивизіи“, сражавшейся на Македонскомъ фронтѣ, остались 4 знамени, доселѣ хранившихся въ помѣщеніи мѣстнаго военнаго агента. Было рѣшено передать эти святыни въ церковь военно-морского вѣдомства при русскомъ Королевы Елліновъ ОЛЬГИ КОНСТАНТИНОВНЫ госпиталѣ въ Пиреѣ, подъ охрану Настоятеля — Благочиннаго — Протоіерея, состоявшаго при этой дивизіи во время войны, что и было торжественно исполнено.

Сотня казаковъ выстроилась на площадкѣ около церкви, тутъ же были поставлены аналои и выстроились знаменщики съ ассистентами. Передъ молебномъ Благочинный Русскихъ Православныхъ Церквей и Учрежденій въ Греціи (ранѣе Благочинный Русскихъ войскъ на Македонскомъ фронтѣ), протоіерей о. Павелъ Крахмалевъ, обратился къ присутствующимъ съ нижепомѣщаемою рѣчью. А послѣ молебна военный агентъ, обратившись къ о. Благочинному также съ рѣчью, передалъ послѣднему, какъ Благочинному Македонскаго фронта и Настоятелю указанной церкви, знамена.

Въ Храмѣ Божьемъ Царскія святыни старой русской арміи будутъ сохранены до того дня, когда во главѣ русскихъ войскъ они будутъ возвращены на родину.

Предъ молебномъ о. Благочиннымъ Настоятелемъ церкви была сказана съ глубокимъ одушевленіемъ слѣдующая рѣчь:

Дорогіе соотечественники!

Сегодняшній день — радостный и знаменательный для насъ! Въ сей день въ нашъ храмъ вносятся на храненіе дорогія намъ Царскіе Знамена — доблестныхъ полковъ 2-й Особой пѣхотной дивизіи, сражавшихся на Македонскомъ фронтѣ въ послѣднюю Европейскую войну. — Не могу не сообщить Вамъ сейчасъ вкратцѣ о боевой жизни, рвеніи, мужествѣ и доблести, которые были проявлены Русскими полками при выполненіи возлагавшихся на нихъ работахъ и боевыхъ задачахъ.

Съ полнымъ безпристрастіемъ скажетъ исторія, что Русскіе полки честно исполнили свою присягу передъ Царемъ и Родиной и высоко подержали званіе русскихъ воиновъ среди союзныхъ армій

Свидѣтельствуютъ объ этомъ и многіе приказы иностранныхъ начальниковъ. Выслушайте два приказа, оказавшихся у меня: „Приказъ по 2-й Особой пѣхотной бригадѣ (Франко-Русская дивизія) № 129. 14/27 Октября 1916 года. Дѣйствующая Армія. Главнокомандующій Союзными войсками на восточномъ фронтѣ въ приказѣ

№ 106/19 объявить: 3-й Особый пѣхотный полкъ съ 27 августа/9 Сентября по 13/26 Сентября 1916 г., на высотахъ, достигавшихъ нерѣдко 2 тысячъ метровъ, выполнилъ выдающееся наступательное движеніе противъ болгаръ, при чемъ послѣдовательно сбилъ ихъ съ гор. Синжака, Сарецъ и Неречкой Планины, захватилъ рѣшительнымъ и могучимъ усиленіемъ, не взирая на чувствительныя потери, линію укрѣпленныхъ высотъ противника къ сѣверу отъ Арменско и тѣмъ самымъ способствовалъ въ значительной степени взятію гор. Флорины. Подписалъ: Сарайль. — На основаніи при-
роденнаго приказа 3-й Особый пѣхотный полкъ получилъ на знамя Фран-
цузскій Военный Крестъ. — Сердечно поздравляю славный 3-й полкъ съ
высокимъ отличіемъ, которое полкъ заслужилъ своею доблестью и своею
кровью. Увѣрять, что со своимъ боевымъ Знаменемъ полкъ совершитъ
новые блестящіе подвиги и покроетъ себя новой славой! Подлинный
подписалъ Командующій Бригадой Генераль-Маіоръ ДИТЕРИХСЪ.»

Выписка изъ приказа по 3-му Особому пѣхотному полку отъ 24
Ноября/6 Декабря 1916 г. «Объявляю полученную мною 7 сего декабря отъ
Его Королевскаго Высочества Наслѣдника Сербскаго Престола Королевича
АЛЕКСАНДРА телеграмму въ отвѣтъ на принесенныя мною отъ лица
бригады поздравленія по случаю занятія города Монастыря союзными
войсками: Сердечно благодарю за поздравленія, которыя Вы принесли
мнѣ отъ лица Вашей геройской бригады, самоотверженіе которой
содѣйствовало паденію Монастыря. Счастливъ, что вѣковое Русско-
Сербское братство вновь запечатлѣлось въ справедливой борьбѣ за осво-
божденіе земли Сербской отъ коварнаго похитителя. Адъютантъ Его
Величества Короля Александръ.»

Въ памяти участниковъ боевъ на Македонскомъ фронтѣ встаютъ на-
вѣкъ нетлѣнные воспоминанія о Битѣ, Биглѣ, Арменско, Негтчаняхъ,
Лазекѣ, Жабжаны, Монастырь, Суходолѣ, высотѣ 1050, Дабичѣ, Бучкурѣ.
Потомъ и кровью запечатлѣлись въ памяти эти имена и глубокимъ созна-
ніемъ славно выполненнаго долга при тягчайшихъ условіяхъ службы
и жизни.

Всѣхъ событій, всѣхъ подвиговъ не вспомнишь теперь — это
достоинствѣ исторіи. Но слишкомъ ясно, отчетливо врѣзались нѣкоторыя
картины

Вотъ вспоминаются высоты Биглы и Арменско, гдѣ впервые проли-
лась кровь Русскихъ воиновъ на горахъ Македоніи, въ славныхъ
дневныхъ и ночныхъ бояхъ и штурмахъ всѣхъ батальоновъ 3-го Особого
пѣхотнаго полка. Вотъ долина Монастыря (Битоля), сначала прегра-
жденная сильной непріятельской позиціей, а затѣмъ болотами по грудь
— и ясно рисуются лица славныхъ бойцовъ — съ настойчивымъ
преслѣдованіемъ черезъ болота — приковавшихъ къ себѣ силы врага
и тѣмъ облегчившихъ работу сосѣдей — союзниковъ: сербовъ и фран-
цузовъ.

Вотъ вспоминается картина доблестнаго отстаиванія въ теченіи
пяти зимнихъ мѣсяцевъ позицій на Бучкурѣ и Дабичѣ, въ условіяхъ
исключительно трудныхъ и тяжелыхъ по положенію нашихъ передовыхъ
окоповъ. Ни вѣчный обстрѣлъ, ни попытки противника, ни холодъ, ни
ограниченное довольствіе не могли поколебать бойцовъ 3-го и 4-го

полковъ, и когда общее положеніе на всѣхъ фронтахъ и, особенно, на нашемъ русскомъ фронтѣ, потребовало приковать силу противника чамѣстѣ. Русскіе полки въ самоотверженномъ порывѣ бросились на штурмъ, преодолевъ огонь сосредоточенной непріятельской артиллеріи...

Почти за два года пребыванія Русскихъ воинскихъ частей на Македонскомъ фронтѣ въ составѣ союзныхъ войскъ, 3, 4, 7 и 8-й Особые пѣхотные полки подъ Царскими Знаменами несли свою боевую службу самоотверженно, какъ подобаетъ лучшимъ частямъ вѣрной Русской арміи!

Вотъ что безмолвно говорятъ намъ нынѣ славныя Царскія Знамена! За честь ихъ, за свѣтлый ореолъ Россіи, много честныхъ, святыхъ русскихъ людей легло въ бояхъ въ Македоніи, — на вѣчныя времена покрывшихъ себя неувядаемой славой — во образъ доблести грядущимъ поколѣніямъ!

Вамъ живые и почившіе доблестные защитники — славные русскіе богатыри — долженъ быть радостенъ и знаменателенъ нынѣшній молитвенный день!

Вамъ, съумѣвшимъ въ дни торжества пушекъ, въ дни небывалой войны, въ періодъ господства механической силы, показать, высокую доблесть своего духа, воскресить старую славу російскаго воинства, держать высоко знамя Великой, Сильной и Подлинной Россіи!

Слава Вамъ всѣмъ — вѣрные воины — стойкіе борцы за Жизнь и Мощь, — за возрожденіе и счастье нашей Родины въ ея быломъ величій и славѣ на историческихъ основахъ ея бытія — подъ старыми боевыми знаменами и мудрымъ водительствомъ законнаго, Божіею споспѣшествующею милостью Державнаго Хозяина земли Русской — Православнаго Царя! Да ниспошлетъ намъ сіе вновь всеблагій Господь! Объ этомъ сейчасъ всѣ мы усердно и помолимся»,

К. Николи Полити.

2 марта 1917 г. въ Государственной Думѣ.

Перваго марта толпа арестовала моего отца и на грузовикѣ увезла куда-то.

Всѣхъ арестованныхъ тогда сначала привозили въ Таврическій Дворецъ, и я тотчасъ отправился туда, стараясь навести справки объ отцѣ и доставить ему кое-какія вещи. 1-го марта проникнуть во Дворецъ мнѣ не удалось, но 2-го я прошелъ и оставался тамъ цѣлый день до поздняго вечера. Отрывокъ изъ своихъ воспоминаній объ этомъ днѣ я и хочу передать.

Сѣрая облачная погода. Временами идетъ мокрый снѣгъ, иногда начинаетъ валить хлопьями. На набережной Невы почти никого. Изрѣдка прогудитъ нагруженный солдатами автомобиль. На углу Мошкова переулка, за заваленнымъ снѣгомъ парашетомъ, какія-то окровавленные тряпки: разодранная штыками одежда. Наканунѣ изъ особняка, здѣсь, вытащили какого-то генерала и тутъ-же закололи штыками. Будто бы онъ стрѣлялъ изъ оконъ своей квартиры. На снѣгу и гранитной панелѣ замерзшая лужа крови.

Чѣмъ ближе къ Таврическому Дворцу тѣмъ больше нагоняешь пѣшиходовъ. Всѣ идутъ въ одну сторону: къ Думѣ. На Потемкинской и потомъ на Шпалерной уже идутъ густой толпой по срединѣ улицы. Рабочіе, штатскіе и военные съ красными бантами, щебечущія барышни группами, шныряющіе мальчишки. . . . Медленно раздвигая толпу, проѣзжаетъ автомобиль. Иногда толпа бросается къ нему. Раздаются крики, вопросы: „Кто, кто?“ — „Бубликовъ.“ „Ураа!!.“ Толпа машетъ шапками. Идутъ депутаты. Впереди колеблются огромные щиты съ разными надписями: „да здравствуетъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ!“ „Долой Романовыхъ“ и др. Въ грохочущей, хохочущей, праздничной толпѣ изрѣдка мелькаетъ озабоченное, мрачное лицо. Эти, какъ и я, стараются пройти незамѣтно, не обратить на себя вниманіе. „Арестованнаго везутъ!“ — „Кого везутъ, кого везутъ?“ „Щегловитаго, Протопопова, нѣтъ не Пропопотова — видишь генералъ!“ „Все равно — прохвость!“ Иногда толпа вдругъ замолкаетъ и арестованный проѣзжаетъ среди неожиданной, жуткой тишины. Иногда наоборотъ толпа гудитъ. Ярко вспоминаю голосъ мальчишки, который визгливо на одну ноту кричалъ: „попалсиин. .!“

Передъ решеткой Таврическаго Дворца на Шпалерной улицѣ не протолкаться. У воротъ стоитъ цѣль солдатъ и студентовъ и пропускаютъ за решетку лишь депутаты и лицъ имѣющихъ пропуска. У меня конечно такого нѣтъ.

Изъ середины толпы нѣсколько минутъ наблюдаю за входящими. Вижу, что солдатъ, на лѣво, должно быть неграмотный: какъ то нелѣпо онъ вертитъ даваемые ему бумажки и постоянно подсказываетъ къ нему какой то технологъ восточнаго типа, провѣряя его. Я дождался, когда въ ворота проходила депутація, и около нея, со стороны солдата, показавъ ему какую-то бумаженку съ печатью, пробрался. Здѣсь за решеткой совѣмъ другая публика. „Постороннихъ“ какъ будто уже нѣтъ. Толпятся группами около плакатовъ. Депутаціи. Но и здѣсь народу масса. На ступеняхъ крыльца подъ колоннами — не протолкаться. Густой непрерывной волной идутъ въ среднія двери. Подъ громаднымъ плакатомъ: „Долой Николая“, — на возвышеніи, стоитъ брюнетъ — ораторъ и что-то истерично выкрикиваетъ. Слышны отдѣльные слова: „Товарищи“, „власть“, „завершимъ начатое“, „совѣты“. Изрѣдка толпа реветъ въ отвѣтъ. Въ сторонѣ, двумя стройными рядами, фронтомъ, выстроилась депутація какого то полка. Ружье къ ногѣ, солдаты стоятъ неподвижно вытянувшись. Надъ головами ихъ колышется знамя. Какіе-то офицерскія пальто съ красными бантами ходятъ передъ фронтомъ, изрѣдка останавливаясь небольшой группой. Лица солдатъ озабоченныя, напряженныя. Вдругъ толпа бросилась въ сторону и офицерскія пальто къ своимъ мѣстамъ. Кто-то вышелъ изъ Думы и говорилъ солдатамъ рѣчь. Но меня оттерли и я не видѣлъ кто говорилъ и не слыхалъ. Вдругъ меня взяли за локоть. „Кто Вы такой? Какъ Вы сюда попали?“ Къ счастью нелзя замѣтить выраженіе моего лица: забинтованная голова и лицо мнѣ очень помогали. Но опять подвинулась толпа и непріятнаго вопрошателя отдавило отъ меня. Было ясно, что, если я останусь здѣсь, то меня арестуютъ и „разяснивъ“, засадятъ. Уйти оказалось не такъ просто. У выходныхъ воротъ такая же цѣпь и опять провѣрка. Двухъ какихъ-то господъ арестовали и повели. Автомобиль выѣзжаетъ изъ воротъ. Его задерживаютъ. Я вмѣшиваюсь, требую бумаги — эхъ красный бантъ надо было бы одѣть — дѣлаю видъ, что я „кто-то“, наконецъ кричу: „Господа, все въ порядкѣ, это автомобиль коменданта, пропустите.“ Автомобиль трогаетъ и на его подножкѣ вновь выѣзжаю на Шпалерную. Соскакиваю.

Въ толпѣ ходятъ листки: предполагаемый списокъ правительства: кн. Львовъ, Миллюковъ, Керенскій и др. Многие спрашиваютъ, кто такой Терещенко? Какой-то чело-вѣкъ, по виду мастеровой, злобно тычетъ спискомъ и ругается. Одного Керенскаго онъ одобряетъ, а остальнымъ грозитъ возмездіемъ за что-то. Въ особенности титулъ князя Львова покрывается имъ отборной бранью.

Стараюсь проникнуть въ Думу со стороны лѣвыхъ трибунъ и министерскаго павильона. Тамъ, за угломъ, почти никого. Большія деревянныя ворота наглухо заперты. Довольно долго безнадежно стою около нихъ, потомъ стучу. Изъ-за воротъ голосъ: „Чего? нельзя здѣсь.“ Тогда я бодро заявляю: „Управляющій Государственнымъ земельнымъ банкомъ къ Министру Финансовъ.“ Ворота открываются, я показываю удостовѣреніе банка о моей личности и солдаты меня пропускаютъ.

Здѣсь, въ маленькомъ внутреннемъ дворѣ, неожиданная тишина и пустота. Нѣсколько автомобилей, на которыхъ мѣломъ на кузовѣ размашисто написано: „предсѣдатель Думы“, „П. Н. Милюковъ“ и др. У входа въ Министерскій павильонъ часовой. Я ему рассказываю ту же басню. Онъ не пропускаетъ. Начинаю кричать и требовать. Изъ за стеклянной двери выходитъ штатскій съ огромнымъ бантомъ и почтительно меня пропускаетъ,

Не узнаю знакомаго помѣщенія. Ковры, мебель — все это куда то исчезло. По длинному коридору у всѣхъ дверей парные часовые. Плакаты: комната N. — выдача удостовѣреній, комната N. — выдача разрѣшеній на выѣздъ — и т. д. У входа, направо — узкій столъ, за которымъ студентъ въ путевойской тужуркѣ. Съ боку на столѣ, передъ нимъ, сидитъ какая то барышня, болтаетъ ногами и пьетъ чай изъ стакана. „Вамъ что? — „Отъ Государственного земельного банка“ — „Идите туда“ и онъ неопредѣленно махнулъ въ конецъ коридора. Иду. Комната N. — „Управление коменданта. Входъ воспрещается.“ Можетъ быть здѣсь спросить? Я хочу найти кого-либо изъ знакомыхъ депутатовъ. Въ коридорѣ человекъ пятьдесятъ, большею частью въ пальто и шубахъ — значитъ постороннихъ. Иду на угадъ въ одну изъ дверей, гдѣ написано „входить запрещается“. Нѣсколько человекъ за маленькими столиками что-то пишутъ. Депутатъ кн. Кугушевъ усталымъ голосомъ диктуетъ машинисткѣ: „При такихъ обстоятельствахъ“ — написали? Временный комитетъ, — написали?“ Я весь забинтованный и онъ не сразу меня узнаетъ. Видъ у него усталый и замученный. На мои вопросы отвѣчаетъ какъ то неувѣренно. (Потомъ оказалось, что онъ думалъ, что отца моего наканунѣ ночью разстрѣляли.) Совѣтуетъ мнѣ снять шубу и найти С. Н. Родзянко, племянника предсѣдателя и моего друга. Тутъ же даютъ мнѣ пропускъ въ служебныя комнаты. Кугушевъ провожаетъ меня въ двери, быстро наклоняется къ моему уху и по французски, сквозъ зубы, говоритъ: „Все идетъ къ черту“ и почти выталкиваетъ меня вонъ. Передъ дверьми, на которыхъ плакатъ: „Временный Комитетъ Г. Д.“ небольшая толпа ожидающихъ. Многіе, такъ же, какъ и я, пришли за частными справками,

другіе за инструкціями. Нѣсколько военныхъ. Часовые строго стерегутъ дверь. . . Говорятъ, что Родзянко II-й тамъ. Приблизительно черезъ часъ выходитъ Родзянко. Даетъ сбивчивыя и торопливыя указанія. Въ его словахъ часто слышится: „не знаю, не могу сказать, спросите Керенскаго, спросите . . . эхъ, да не знаю я.“ Видитъ меня, отводитъ въ сторону и сообщаетъ, что отца, кажется, увезли въ крѣпость. Потомъ подумалъ немного и предложилъ пойти съ нимъ въ помѣщеніе Временнаго Комитета и тамъ поймать Милюкова или Шингарева и переговорить съ ними.

Входимъ. Небольшая комната раздѣленная двумя колоннами, за которыми нѣчто въ родѣ алькова. Вѣроятно когда то была спальня. Въ передней части комнаты два стола, телефонъ. Два-три члена Думы тихо бесѣдуютъ между собой. Дверь въ слѣдующую комнату закрыта: тамъ идетъ засѣданіе Вр. Комитета. Изрѣдка кто, нибудь проходить туда и вновь уходитъ. Меня посадили за колонной — я почти спрятанъ за нею. Было около двухъ — трехъ часовъ дня. Безостановочно звонитъ телефонъ. То сообщаютъ, что громятъ гдѣ-то винный складъ, то, что на такой то фабрикѣ идетъ митингъ и ждутъ члена Думы, то въ такомъ то полку не благополучно — какіе то правые мутятъ полкъ, офицеры ненадежны — пришлите члена Думы. Родзянко всѣмъ отвѣчаетъ: „Сейчасъ распоряжусь, сейчасъ ѣдетъ, звоните туда-то за воинской частью,“ и, повѣсивъ трубку, продолжаетъ бездѣйственно сидѣть и пить чай. Послѣ одного изъ такихъ разговоровъ кто то изъ присутствующихъ говоритъ ему — „да пойдите же доложите въ Комитетъ (Р. II-й оказывается былъ приставленъ къ телефону). С. Н. только пожалъ плечами: „безполезно — все равно они ничего не могутъ.“

Мало по малу завязался общій разговоръ. Положеніе дрянъ. Таврическимъ Дворцомъ завладѣлъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Сейчасъ начнется засѣданіе Совѣта. Члены Думы изо всего дворца выпихнуты въ этотъ павильонъ, 4—5 комнатъ и кабинетъ Предсѣдателя. Комендантъ Энгельгардтъ неизвѣстно гдѣ. Керенскій на приглашеніе Комитета не приходитъ. Предсѣдателя тоже нѣтъ, его ищутъ, но онъ во Дворцѣ.

Вдругъ за дверью въ коридорѣ крикъ, шумъ, съ трескомъ распаивается дверь и въ комнату врывается въ шинели и папахъ иступленный офицеръ и кричитъ не своимъ голосомъ: „Какъ ты смѣешь меня не пропускать? какъ ты смѣешь? Гдѣ секретарь? Подать мнѣ сюда Милюкова, немедленно провести меня къ Милюкову!“ — „Что съ Вами, полковникъ, не кричите, полковникъ!“ „Какъ не кричите! полковникъ!“ Да все идетъ пропадомъ! Толпа ворвалась во дворецъ. Да Васъ немедленно всѣхъ арестуютъ! Я

больше ни за что не отвѣчаю. Меня прислали изъ — я не раслышалъ откуда — заявить, что, если немедленно — офицеръ ударилъ кулакомъ по столу — слышите, немедленно не прѣдутъ члены Думы въ казарму, произойдетъ чортъ знаетъ что. Думѣ конецъ, Думѣ конецъ! Гдѣ Милюковъ?!" Офицеръ кричалъ такъ, что звенѣли стекла. Родзянко пробовалъ что-то ему говорить, но тотъ продолжалъ кричать. Черезъ минуту изъ комнаты совѣщанія вышелъ Милюковъ и торопливымъ тономъ началъ предлагать офицеру вопросы. Офицеръ все горячился. „Хорошо, успокойтесь. Нѣсколько членовъ Думы сейчасъ поѣдутъ. „Вдругъ голосъ Милюкова сорвался и онъ неожиданно закричалъ: „Не извольте кричать, чего Вы кричите“, и схвативъ себя за голову, ушелъ. Офицеръ вышелъ, все еще грозя кому-то.

Родзянко говоритъ мнѣ: „Знаешь что, другъ мой, уходи ты отсюда по добру по здорову, а то еще арестуютъ тебя, ни за что, ни про что.“

Опять рѣзко отворяется дверь и, блѣдный какъ полотно, входитъ депутатъ Ш. быстро направляется въ комнату засѣданія, но по дорогѣ, не видя меня, обращается къ Родзянкѣ: „Все кончено. Соглашеніе съ Совѣтомъ состояться не можетъ. Совѣтую Вамъ немедленно уѣхать изъ дворца. Одна надежда на Керенскаго и Милюкова.“ За Ш. въ комитетъ прошелъ и Родзянко и выйдя оттуда началъ меня выгонять вонъ. Видъ у него крайне взволнованный.

У меня нѣтъ какихъ-то нужныхъ пропусковъ и меня проводятъ куда-то, но по дорогѣ я теряю своего спутника и опять толкаюсь по коридору, пока не рѣшаюсь открыть дверь съ надписью: „Кабинетъ Предсѣдателя Государственной Думы.“ Было около шести часовъ. Въ этихъ двухъ большихъ комнатахъ, пріемной и кабинетѣ я провелъ три незабываемыхъ для меня часа.

Вѣроятно и здѣсь была, еще два — три дня тому назадъ, дворцовая обстановка, но и здѣсь она исчезла. Въ первой большой комнатѣ вдоль стѣны, группами и въ одиночку, около досчатыхъ столовъ, сидѣли депутаты и посторонніе. Вездѣ окурки, грязь, вороха грязной посуды и спитыхъ чайныхъ стакановъ. Кое кто пальцами, безъ ножей и вилокъ, на бумажкахъ, ѣстъ что-то. Женщина, изъ простыхъ, съ грохотомъ собираетъ посуду. Я помню какъ меня поразило, что эта баба, нисколько не стѣсняясь, черезъ всю комнату крикнула: „Эй, Павелъ, что кипяткоъ то еще будетъ?“ Въ углу на полу, на разостланномъ пальто, кто-то спалъ.

Этотъ залъ III го Класа былъ кабинетъ официальнаго главы революціи въ зданіи Парламента! Нѣсколько человѣкъ подошли ко мнѣ съ вопросомъ, когда и при какихъ

обстоятельствахъ я былъ арестованъ. Многимъ не вѣрилось, что я здѣсь по доброй волѣ.

Во второй комнатѣ тоже впечатлѣніе опустошенія, таже грязь, тѣже окурки повсюду, тѣже остатки грязной бѣды. Вдоль всей огромной комнаты, въ серединѣ, составлено нѣсколько узкихъ официальныхъ столовъ, покрытыхъ зеленымъ сукномъ. По столамъ разбросаны бланки, печати, какіе-то регистраторы. Чистое новое сукно въ одномъ мѣстѣ широко залито свѣжими чернилами. Подсвѣчники и канделябры съ горящими свѣчами, закапанными сургучемъ. На одной сторонѣ этихъ длинныхъ столовъ сидятъ нѣсколько знакомыхъ членовъ Думы. Какъ и въ первой комнатѣ, на стульяхъ и на полу спятъ. Лица измученныя, издерганныя.

Слѣдующая дверь — къ какое-то большое помѣщеніе, гдѣ засѣдаетъ временная комиссія по дѣламъ арестованныхъ лицъ. У дверей часовые. Изрѣдка дверь открывается, и тогда изъ нея вливается яркій свѣтъ большой люстры и видны спины и затылки плотно стоящей массы людей, обращенной внутрь комнаты. Туда, черезъ кабинетъ предсѣдателя, проводили всѣхъ арестованныхъ. Толпа же проходила уже изъ другой, запретной для членовъ Думы, стороны дворца.

Въ большемъ предсѣдательскомъ кабинетѣ почти мертвая тишина. Депутаты говорятъ между собой въ полъ голоса, какъ бы въ комнатѣ больного или покойника.

Въ серединѣ стола, облокотившись головой на положенныя на столъ руки, сидитъ депутатъ Орловской губерніи Л. И. П. Это мой товарищъ по лицу, и я давно и близко его знаю. Огромнаго роста, сильный и жизнерадостный, теперь онъ совершенно разбитъ, и усталый, вялый и равнодушный здороваеся со мной. На мой вопросъ утомленно и безразлично говорить, что все равно всѣхъ черезъ нѣсколько часовъ разорветъ толпа, что все потеряно. Оживляется немного, упоминая фамилію Родзянки I-го, котораго называетъ преступникомъ, и Керенскаго, котораго обкладываетъ черномземной руганью. Кто то, проходя, говоритъ ему: „Потише Лаврентій Ивановичъ — это для Васъ кончится плохо.“ — Эхъ батюшка! — Не все ли теперь то равно? Нѣсколько человѣкъ подсаживаются къ намъ. Совѣщаются, нельзя ли незамѣтно уйти изъ дворца, скрыться. Но многіе горячо протестуютъ. „Позоръ, господа, позоръ! Можетъ быть всѣ мы преступники, но мы вѣрили въ то, что дѣлали и мы должны остаться до конца на своихъ мѣстахъ, и если погибнемъ, то хотя память наша останется незапятнанной. Мы, можетъ быть, ошиблись, но мы не лгали и не обманывали.“

П. мрачно посмотрѣлъ на остальныхъ: „Все равно — Васъ арестуютъ дома.“ И онъ зло засмѣялся.

Понемногу всѣ вновь разбрелись по угламъ. Мы съ П. остались вдвоемъ. — „Ты зачѣмъ пришелъ?“ — „За пропускомъ.“ „А! Это я выдаю, замѣняю коменданта Дворца. Бери на столѣ, что тебѣ надо — пиши самъ, тутъ всѣ бланки.“ — „Печати?“ — „Вотъ тутъ! Я, голубчикъ, сорокъ восемь часовъ не спалъ — не могу больше, я лягу, а ты, если кто придетъ, выдавай, что попросятъ.“ — „Подписывать?“ — „А подписывай! За меня, такъ за меня.“ Онъ отошелъ, положилъ пальто на полъ, легъ и тотчасъ заснулъ.

Тускло горитъ электричество. Закапанныя, неровныя свѣчи въ канделябрѣ горятъ не мигая. Тишина. Шепотомъ, медленно, съ перерывами, устало и безнадежно, какъ и все въ этой комнатѣ, переговариваются двое. Басомъ начинаетъ храпѣть П.

„Господи! да чтоже это? Вѣдь они — они должны руководить революціей! Я знаю, вожаки другіе, а не эти, но за вожаками будто бы эти стоятъ, вѣдь на нихъ они опираются. Два дня у нихъ была власть въ рукахъ — гдѣ она?“

Входитъ патруль. Четыре солдата и штатскій — маленький и юркій — проводятъ черезъ комнату къ „тѣмъ“ дверямъ арестованнаго военнаго генерала. Воротникъ пальто высоко поднять и я не могу различить лица. Нѣсколько человѣкъ безразлично оборачиваются. „Тѣ“ двери на мгновение отворяются, врывается оттуда свѣтъ, гулъ голосовъ, и юркій штатскій и генералъ скрываются за дверьми.

Приходятъ нѣсколько человѣкъ просить пропуска. Перваго привелъ членъ Думы К. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня. „П. просилъ меня писать за него.“ — „А! такъ дайте пожалуйста.“ Я выдаю бумагу и подписываю какой-то закорючиной. Потомъ стали приходить еще и еще. Я подписываю „за“ кого-то — не помню, не то коменданта Дворца, не то члена Думы. Выдавались пропуска на выѣздъ изъ столицы, на входъ во Дворецъ, на пользованіе автомобилемъ, предписанія оказывать подателю содѣйствіе при подавленіи уличныхъ безпорядковъ, и еще что-то. Самъ я себѣ написалъ всевозможныя бумаги. Между прочимъ пропускъ въ Петропавловскую Крѣпость, который потомъ былъ очень мнѣ полезенъ.

Помню одного казачьяго сотника, уже не молодого. Онъ вошелъ громко стуча ногами и съ ненавистью смотрѣлъ на меня, когда говорилъ. Ему былъ нуженъ пропускъ на выѣздъ изъ Петрограда. — „Это чортъ знаетъ что! Хочу выѣхать на фронтъ, къ своей части, у меня все въ порядкѣ

— еще говорятъ разрѣшеніе отсюда. Жиды проклятые! Это все они. Ну да погодите!“ Сотникъ все больше вышаль голосъ. Онъ былъ очень красенъ, можетъ быть не совсѣмъ трезвъ. Къ сожалѣнію не могу вспомнить его фамилію. — „Если Вы воображаете, что мы дадимъ жидамъ погубить Россію, то увидите, что будетъ черезъ днѣй десять!“ Кое-кто подошелъ, онъ обращался ко всѣмъ. „Жиды“, вновь почти кричалъ онъ, — „все жиды!“ Откуда не возмись юркій штатскій, только не давно приводившій арестованнаго генерала, оказался тутъ же. — „Позвольте господа“, визгливо говорилъ онъ, — „что это такое? Здѣсь оскорбляютъ національность! Протестую! Я не допущу! Вы, гражданинъ, отвѣтите!“ — Сотникъ побагровѣлъ. — „Что-о?“, закричалъ онъ — „Я Вамъ покажу! Я Вамъ не „гражданинъ“ — тля вы этакая, а офицеръ моего Государя!“ — „Вы будете арестованны! Что Вы себѣ позволяете?!“ Вдругъ сотникъ выхватилъ шашку. Всѣ бросились на него. Жиденокъ требовалъ немедленнаго ареста офицера и побѣждалъ за кѣмъ-то. Я поскорѣ выдалъ сотнику всѣ его бумаги и кто-то изъ членовъ Думы пошолъ его проводить.

Опять уныло потянулось время. Изрѣдка приходилъ кто-либо изъ членовъ Думы, устало присаживался, устало говорилъ и сообщалъ все тоже: соглашеніе съ рабочими депутатами не будетъ, требуютъ невозможнаго списка пр-ства, вѣроягны аресты членовъ Думы.

Зачѣмъ я здѣсь, спрашивалъ я себя? Но я хотѣлъ дожждаться отвѣта М. В. Родзянко, которому я послалъ записку и мнѣ обѣщали его розыскать. Наконецъ мнѣ принесли клочекъ бумаги: „Отецъ Вашъ въ крѣпости. Я ничего не могу. Обратитесь къ Керенскому. М. Р.“

Было около восьми или девяти часовъ вечера.

Вдругъ раздались спѣшныя шаги и почти вбѣгаетъ И. А. К. останавливается у дверей и кричитъ: „Господа! Господа! — соглашеніе достигнуто! Слава Богу! Все спасено!“ Всѣ вскочили, заговорили всѣ вмѣстѣ, жали другъ другу руки, цѣловались, обнимались. К. взволнованно и радостно сталъ передавать событія въ залѣ засѣданія. — „Завершилось благополучно, господа, Пр-ство образованно и мы сегодня, наконецъ, можемъ спокойно уйти домой.“ Всѣ были радостно возбуждены. Только мрачный депутатъ Пушинъ угрюмо, своимъ густымъ басомъ, проговорилъ: „Пріятнаго „спокойствія“ — господа! уйти-уйдемъ, но назадъ уже не придемъ — не пустятъ! Прощайте.“

Долго шелъ я обратно по пустыннымъ улицамъ на Адмиралтейскую Набережную. Тучи разогнало, и высоко въ ночномъ небѣ, надъ Петропавловской Крѣпостью, сіяли

звѣзды. Передъ Зимнимъ Его Величества Дворцомъ, на Набережной, ярко горятъ фонари, но пустынно и безлюдно. Здѣсь почти не слышно городского шума. Холоднымъ саваномъ лежитъ замерзшая Нева. Мрачно чернѣетъ крѣпость. Что тамъ?

И вдругъ, въ отвѣтъ на мои мысли, со старой Крѣпости запѣли и заиграли — зазвѣнѣли старые куранты. Надъ безмолвной Невой поплыли торжественные звуки, ширясь и утверждая былую славу, и замерли у подножья Царскаго Дворца.

Берлинъ, 2-го марта 1922 года.

М. Горемыкинъ.

Современное масонство.

(Продолженіе ¹⁾).

XIV

Изъ числа другихъ обществъ, имѣющихъ международный характеръ и руководимыхъ по многимъ даннымъ масонами, для насъ русскихъ интересны обще-славянское національное „Дружество Соколъ“ и англійскій Бой-Скаутизмъ.

Общество „Соколъ“ было основано въ 1862 г. въ Прагѣ Мирославомъ Тыршъ и Индрихомъ Фугнеръ въ цѣляхъ „объединить чешскій народъ и при посредствѣ тѣлесныхъ упражненій поднять силу и здоровье его, столь необходимая для національной защиты.“ Таковы были первоначальныя задачи сокольства, которыя однако затѣмъ видоизмѣняются и тотъ же Тыршъ въ 1871 г. въ своей статьѣ въ газетѣ „Соколъ“ говоритъ, что общество „Соколъ“, — „не есть обыкновенное гимнастическое общество“... что сокольство — „должно быть возведено на высоту національно-общественнаго движенія, преслѣдующаго достиженіе полнѣйшаго совершенства тѣлесныхъ, духовныхъ и нравственныхъ достоинствъ своихъ членовъ“. Къ этому же времени Сокольство путемъ пропаганды пріобрѣтаетъ вниманіе и симпатіи населенія другихъ славянскихъ народовъ, живущихъ на территоріи имперіи Габсбурговъ, гдѣ и возникаютъ отдѣленія (жупы) этого общества. Создается спеціально сокольская печать, появляются смѣлыя статьи, направленные противъ австрійской власти, происходятъ даже кое гдѣ уличныя схватки соколовъ съ полиціей, препятствующей созывамъ „братскихъ круговъ“ (собраній) въ цѣляхъ уже чисто политическихъ.

Правительство Австро-Венгріи запрещаетъ на время вообще сокольскія объединенія, но затѣмъ, не безъ содействія вѣнскихъ масоновъ, общество это, офиціально прикрывшись якобы преслѣдованіемъ исключительно гимнастическихъ и

¹) См. №№ 21, 23, 27 и 28.

спортивныхъ цѣлей, снова продолжаетъ развивать свою дѣятельность, привлекая въ свои ряды женщинъ и учащуюся молодежь ²⁾. Устанавливается однообразный для всѣхъ славянъ обще-сокольскій форменный костюмъ чешскаго покроя съ красной рубашкой. Отдѣльныя сокольскія жупы объединяются сперва въ мѣстные союзы по славянскимъ народностямъ и затѣмъ въ одинъ общій союзъ всѣхъ соколовъ съ центромъ въ Прагѣ. Главнымъ дѣятелемъ и общимъ руководителемъ всего союза съ 1908 г. становится чехъ фр. ст.: Ордена Вел. Востока Франціи бр.: Карлъ Абрамовичъ Крамаржъ ³⁾. Организуются Всеславянскіе слеты соколовъ, собирающіе многочисленныхъ участниковъ. На этихъ слетахъ демонстрируются групповыя гимнастическія упражненія, въ которыхъ принимаютъ одновременное участіе тысячи соколовъ. Стройность и строгая дисциплинированность подобныхъ парадныхъ упражненій на одномъ изъ послѣднихъ всеславянскихъ слетовъ въ Прагѣ передъ войной, вызываетъ даже у одного изъ почетныхъ гостей восторженное восклицаніе: „Сокола являются готовыми національными войсками объединенныхъ славянъ!“

Въ 1914 г. численность соколовъ, вошедшихъ въ составъ среднеевропейскаго сокольскаго союза, достигала 136 000, а именно: чеховъ — 90 тыс., поляковъ (больш. частью въ германской провинціи Познань) — 26 т., хорватовъ — 13 т. и словенцевъ — 7 т. Кромѣ того въ Сербіи — 1 тыс. и въ Болгаріи — 5 тыс.

Преслѣдуя втайнѣ цѣли освобожденія славянъ, посредствомъ развала имперіи Габсбурговъ ⁴⁾, всѣ положенія Союза

2) Согласно устава въ сокольское общество принимаются дѣйствительными членами — „братьями“ только лица достигшія 18 лѣтн. возраста, младшее же юношество составляетъ приготовительный рядъ. Всѣ соколы и соколки обязаны говорить другъ другу „ты“

3) K. Heise — „Die Entente, Freimaurerei und der Weltkrieg“, s. S. 259, 261.

4) Сокольскіе союзы, какъ говорятъ швейцарецъ-нѣмецъ K. Heise и австріецъ Fr. Wichtl, фактически являлись лишь чисто внѣшними обликами, скрытыхъ внутри ихъ ячеекъ, революціонной славянской партіи.

Слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ эрцгерцога Фердинанда въ 1914 г. въ Сараевѣ выяснило, между прочимъ, что въ числѣ другихъ брбр.: масоновъ соучастниковъ организациі убійства были два предсѣдателя сокольскихъ жупъ Велько Цубриловичъ и Миско Јовановичъ. Оба они по приговору суда были въ 1915 г. казнены.

Въ то же время были съ самаго начала проникнуты полнымъ индиферентизмомъ къ религіи и Церкви, если не сказать болѣе. Формула, что „религія дѣло личной совѣсти каждаго въ отдѣльности —“ среди сокольскаго братства не только господствуетъ и по нынѣ, но порой уступаетъ мѣсто даже болѣе атеистическимъ тенденціямъ. Вслѣдствіе этого въ противовѣсъ, игнорирующему религіозныя вѣрованія, вліянію сокольства, возникаетъ подъ покровительствомъ католической Церкви другое славянское гимнастическое общество „Орловъ“, успѣхъ котораго однако, вслѣдствіе клерикальныхъ тенденцій не великъ.

Въ настоящее время сокольство уже не представляетъ того тѣснаго политическаго обще-славянскаго объединенія, какъ это было до 1914 г. Въ каждомъ изъ вновь образованныхъ Версальскимъ миромъ славянскихъ государствъ явилось такъ много дѣла по устроенію своей новой жизни, что уже не представляется возможнымъ населенію этихъ странъ удѣлять особое вниманіе обще-славянскимъ интересамъ. Къ тому же сложная современная политическая ситуація вмѣстѣ съ грознымъ экономическимъ кризисомъ не даютъ основаній къ особо интимому сближенію самостоятельныхъ славянскихъ государствъ, народившихся изъ недавнихъ еще дружныхъ противниковъ австрійской власти.

Въ Чехіи жалуются на притѣсненія единоплеменниковъ карпато-россы, въ Польшѣ происходятъ насилія надъ православными русскими, въ трехчленномъ королевствѣ Сербовъ Хорватовъ и Словенцевъ центробѣжныя стремленія особенно ярко выражаются среди хорватовъ и отчасти у словенцевъ. Бывшее самостоятельное королевство Черногорія, добывшее свою свободу вѣковой героической борьбой, низведено на степень третьеразрядной провинціи. Прямыхъ результатовъ такого положенія конечно не могутъ быть чувства особо нѣжной и глубокой симпатіи различныхъ славянскихъ народовъ другъ къ другу.

Вотъ причины того, что всеславянскія идеи прежняго сокольства, оказавшіяся столь полезными для освобожденія славянъ, нынѣ уже потеряли общую подъ собою почву. И повидимому оккультные руководители союза соколовъ все это уже давно предвидѣли, т. к. въ уставахъ и памяткахъ

современнаго сокольства, появившихся чуть ли не въ дни заѣзданий Версальской Конференціи, уже цѣли сокольскаго объединенія объясняются различно въ каждомъ новомъ славянскомъ государствѣ и нѣсколько иначе, чѣмъ это было до этого времени.

Такъ въ хорватской брошюрѣ „Введеніе въ Сокольство“⁵⁾, предназначенной для членовъ общества, говорится, что —“ идея Сокольства заключается въ 1) тѣлесномъ, 2) моральномъ, 3) національномъ и 4) демократическомъ воспитаніи“ (стр. 5); что —“ сокольство по своей цѣли и задачамъ исключительно національная и демократическая организація“ (стр. 6).

— „Сокольство воспитываетъ въ духѣ своего хорватскаго народа“. Стремленіе Сокольства состоитъ въ томъ, чтобы пробудить въ своемъ народѣ „гордое національное самосознаніе“ (стр. 7) и „дисциплина есть основаніе и сила Сокольской организаціи (стр. 9).

Всѣ эти выписки свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что нынѣ цѣли высшихъ руководителей Сокольства измѣнились. Что въ настоящіе дни общество Соколовъ занято не сліяніемъ славянскихъ рѣкъ въ одномъ дѣйствительнв братскомъ руслѣ, а углубленіемъ сепаратныхъ центробѣжныхъ стремленій уже внутри, только что образовавшихся, новыхъ государствъ изъ славянскихъ народовъ. вмѣсто спайки отдѣльныхъ племенъ одного и того же происхожденія въ желанное реальное государственное объединеніе братьевъ по крови, повидимому происходитъ при посредствѣ Сокольства расколъ въ самой всеславянской національной идеѣ, путемъ проповѣди и воспитанія въ началахъ „гордаго самосознанія“ каждого отдѣльнаго славянскаго народца. Идея свободы превращается въ идею притѣсненія и травли народомъ-хозяиномъ болѣе слабыхъ и обездоленныхъ своихъ единоплеменниковъ. . . Но, все это очевидно входитъ въ таинственные высшіе планы тѣхъ, кто дергаетъ за нитки маріонетокъ современнаго человѣчества.

5) „Uputa i Sokolstvo“, za svoje članove izdao Sokol i. Zagrebu,

— „Документально установлено, что Сокольскія организации, созданныя когда то во имя борьбы съ нѣмцами, нынѣ являются учреждениями чисто масонскими“, свидѣтельствуеть одинъ изъ серьезныхъ знатоковъ фр.: масонства. И это, по его мнѣнію, находится въ тѣсной связи съ тѣмъ фактомъ, что во всѣхъ молодыхъ славянскихъ государствахъ уже свили себѣ гнѣзда ложи и мастерскія Великаго Востока Франціи, работа которыхъ идетъ усиленнымъ темпомъ, преслѣдуя все ту же программу захвата государственной власти, какъ это было успѣшно выполнено во Франціи послѣ 1871 г.⁶⁾

Что касается англійскихъ „Бой-Скаутовъ“, получившихъ свое начало вскорѣ послѣ Англо-Бурской войны по почину стараго индійскаго офицера генерала Баден - Пауля, то по цѣлямъ своимъ организациа эта, весьма благая для воспитанія духа и тѣла отрочества, будучи перенесена на материкъ Европы, тотчасъ же обратила на себя вниманіе главъ фр.: масонства, какъ новый удобный способъ улавливанія въ свои сѣти юнаго человѣчества. Особенно усердно занялись насажденіемъ моднаго бой-скаутизма масоны Бельгіи и Франціи, выкинувъ прежде всего изъ присяги англійскихъ бой-скаутовъ — „исполненіе долга въ отношеніи къ Богу и къ королю“. Во Франціи эта торжественная присяга была замѣнена отобраніемъ отъ вступающихъ подписки въ „обязательствѣ честию“ исполнять законы бой-скаутовъ.

Масонское правительство Франціи и масонская пресса восхваляли достоинства бой-скаутизма и всячески субсидировали учрежденіе этихъ организаций. Ближе всего этимъ вопросомъ занялась „Лига Національнаго Воспитанія“ (Ligue d'Education nationale), состоящаа главнымъ образомъ изъ „фр.: масоновъ и евреевъ“ ⁷⁾. Были опубликованы и рас-

6) Кстати. теперь въ составѣ хорватскихъ соколовъ встрѣчается довольно значительное число евреевъ.

7) Въ Польшѣ уже передъ войной представителями Gr.: Or.: de France было открыто 6 ложъ этого Ордена (La Fr. Maçonnerie Démasquée 1920, N. 1, p. 127. Въ настоящее время въ Варшавѣ организована своя Великая Ложа.

Въ республикѣ Чехо - Словакской послѣ окончанія войны въ 1919 г. брбр.: славянами была порвана совершенно. существовавшая ранѣе, связь съ вѣнскими ложами и при содѣйствіи Gr.: Or.: de France они открыли свои самостоятельныя ложи въ главѣ съ Великой Ложей въ Прагѣ. Первымъ Велик. Мастеромъ былъ избранъ драматургъ бр.: Ярославъ Квапиль.

пространнены широковѣщательные проспекты, рисующія со-
блазнительныя для дѣтей, юношества и ихъ родителей пер-
спективы. Все это дѣлалось однако на чисто „лаикскихъ“,
нетерпимыхъ къ религіи и особенно къ Христіанской Церкви,
основаніяхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Великофоссъ.

Главнѣйшіе чешскіе политическіе дѣятели: брбр.: Томашъ Массарикъ, Карль Крамаржъ, Бенешъ и др. приняли свое посвященіе уже давно въ парижскихъ ложахъ Gr.: Or.: de France (Fr. Wichtl, S. 149-150). 30 іюля 1920 г. брр.: Roelandъ дѣлалъ докладъ въ парижской ложѣ Вел. Востока — „Les Forgerons de l'Avenir“ о своихъ впечатлѣніяхъ при ознакомленіи на мѣстѣ съ Сокольскими организаціями въ Чехо-Словакии (La Fr. Maçonnerie Démasquée 1920, N 9, p. 219).

Что касается Югославіи, то согласно „Annuaire de la Maçonnerie 1920“ (стр. 268—269) Великая Ложа Сербовъ, Хорватовъ и Югославянъ учреждена въ Бѣлградѣ 9 іюня 1919 г. Велик. Мастеромъ значится Георгій Вейфертъ. Особенно дѣятельнымъ организаторомъ современнаго масонства въ Югославіи является секретарь Вел. Ложы брр.: Іов. Алексіевичъ, находящійся въ близкихъ отношеніяхъ со швейцарскимъ масонствомъ (La Fr. Maçonnerie Démasquée 1919, N 15/16, p. 75). Всего въ Югославіи существуетъ семь ложъ, изъ нихъ: 3 въ Бѣлградѣ, 2 въ Загребѣ и по одной въ Осекѣ и Скоплѣ. Сверхъ того въ Бѣлградѣ имѣются еще двѣ самостоятельныя ложи „l'Union“ Вел. Востока Франціи и „Шумадія“, принадлежащая къ германской Вел. Ложѣ Гамбурга. Старѣйшая ложа основана въ 1883 г., остальные главнымъ образомъ въ 1910 г. Членовъ числится всего 270.

Въ Болгаріи Великая Ложа основана въ Софіи въ 1917 г.; всего ложъ въ 1919 г. было одиннадцать съ 1000 членами. Велик. Мастеръ — А. Протогеровъ. (Annuaire de la Maçonnerie 1920, p. 2671.

Copin-Albancelli — „La question des Boy-Scouts ou Eclaireurs en France“, 1913, p.p. 17—18, 22.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

на газету

„НОВОЕ ВРЕМЯ“

1 мѣс. 3 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С.	25 дин.	70 дин.
Въ Чехословакии, Болгарии, Румынии (въ кронахъ, левахъ и леяхъ)	40	115
Въ Германіи, Австріи и Венгріи (въ герм. мар.)	65 мар.	190 мар.
Во Франціи и др. странахъ	10 фр.	28 фр.

Подписка принимается не менѣе, чѣмъ на одинъ мѣсяць, съ
каждаго 1, 10 и 20 числа.

Въ виду затрудненій и хлопотъ съ переводами изъ заграницы
подписной платы Издательство рекомендуетъ пересылать деньги
въ заказныхъ письмахъ при требованіи на газету.

ТАРИФЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

На первой страницѣ за строку	10 дин.	или 4 фр.
На четвертой страницѣ	4 "	" 2 "
Предложенія труда (на 4-й стр.) за строку 3 "	" 1 "	50 с.
Справки (розыски родственниковъ и пр.) за 4 строки	10 "	" 4 "

За публикаціи, помѣщаемыя не менѣе 3 разъ — скидка 25 пр.;
многократныя — по соглашенію.

Редакція и контора: Belgrade, Кр. Наталіи 21.

23-6 Субб. Св. Велмч. Георгія Побѣдоносца; св. мчч. Царицы Александры, муч. Анатолія, блж. Георгія.
 День тезоименитства Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Кавалерскій праздникъ ордена св. Георгія Побѣдоносца. Кругъ Оренбургскихъ и Семирѣченскихъ казачьихъ войскъ.

Не хвали меня въ очи, не брани за глаза.

24-7 Воскр. Недѣля 4-я по Пасхѣ о разслабленномъ; ев. Іоан. V, 1—15. Св. муч. Саввы Стратилата, преп. Елизаветы; муч. Евсеія, Леонтія, Лонгина, Валентина, преп. Ѳомы юродиваго, Саввы и Алексѣя Печерскихъ. Праздн. ик. Б. М. Молченской.

Основаніе первой духовн. Семинаріи въ Новгородѣ 1721 г.

На добромъ словѣ кому не спасибо.

25-8 Понед. Св. Ап. и Евангел. Марка; преп. Сильвестра Обнорск., праздн. ик. Б. М. Цареградской.

Рожд. композ. П. И. Чайковскаго 1840 г.

Выше себя не вырастешь.

26-9 Вторн. Св. муч. Василія; св. Стефана, еп. Пермскаго; св. праведной Глафиры дѣвы.

Первый раздѣлъ Польши и присоед. Бѣлоруссіи къ Россіи 1772 г.

Не такъ — было хотѣлось, да такъ Богъ велѣлъ.

27-10 Среда. Св. муч. Симеона сродн. Господня; преп. еп. Стефана. Откр. первой Госуд. Думы 1906 г.

Все добро да не всякому на пользу.

28-11 Четв. Св. ап. Іасона и Сосипатра; св. мч. Максима; св. Кирилла, еп. Туровскаго.

Конч. писат. М. Е. Салтыкова Щедрина 1889 г.

Нѣтъ въ тебѣ, такъ не ищи на селѣ.

29-12 Пятн. Св. 9ти муч. иже въ Кизицѣ; преп. Мемнона. Взятіе ген. Тергукасовымъ Баязета 1878 г.

Воспом. чудеснаго спасенія Государя Императора Николая Александровича отъ покушенія на Него въ Отсу 1891 г.

Богатъ Богъ милостію.

30-13 Субб. Св. ап. Іакова, брата ап. Іоанна Богослова; св. Доната еп.; муч. Максима; обр. мѣщ. св. Никиты, еп. Новгородск.

Конч. писат. С. Т. Аксакова 1859 г.

Конч. ист. литер. В. И. Кирпичникова 1903 г.

Въ тревогу и мы къ Богу, а по тревогѣ забыли о Богѣ.

На складѣ издательства
BERLIN W 62, Kurfürstenstr. 144, Verlag „Doppeladler“,
 имѣются

Брошюра	Преподобный Сергій Радонежскій (проф. Ключевского)	12 мар.
„	Казачья Самостійность (П. Н. Краснова)	10 „
„	Завоеванія революціи и иде- ология русскаго монархизма (проф. Локотя)	3 „
„	Правда о Царской Семѣ и темныхъ силахъ (Руднева)	5 „
	Альбомъ Работа большевиковъ	20 „

Въ странахъ съ высокой валютой 100 % надбавки,
 со средней 50 %.

Рекомендуются Издательствомъ
 и могутъ быть посланы слѣдующія книги:

ген. П. Н. Краснова. **За чертополохомъ.**
 И. А. Родіонова. **Жертвы вечернія.**
 Митрополитъ Антоній. **„Словарь нъ Достоевскому“.**
Св. Русь. А. Д. Шербачевъ.
Сборникъ стихотвореній. П. П. Булыгинъ.
Русская Лѣтопись. Парижъ т. I и II.
Воскресеніе. Еженедѣльный журналъ. Парижъ.
Лѣто Господне. Г. В. Немировичъ Данченко.

„ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЪ“.

Новыя условія подписки:

Въ Германіи, Австріи, Чехо-Славіи, Венгріи, Болгаріи,
 Румыніи и окранныхъ государствахъ:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.
	14 марокъ	42 марокъ	84 марокъ.
Въ Юго-Славіи	16 герм. м.	48 герм. м.	90 герм. м.
Въ Турціи	18 „ „	54 „ „	100 „ „
Во Франціи и Бельгіи	2 фр.	5 фр.	8 фр.
Въ Швейцаріи	1½ шв. фр.	3 шв. фр.	5 шв. фр.
Въ Даніи, Швеціи и Норвегіи	1½ кр.	3 кр.	5 кр.
Въ Англіи	1 шил.	2 шил.	3 шил.
Въ Америкѣ	25 цент.	65 цент.	1 долл.
Въ Италіи	4 лиръ	10 лиръ	18 лиръ